

Братья ШВАЛЬНЕРЫ

Т-34

и другие рассказы о войне

Братья Швальнеры

Т-34 и другие рассказы о войне

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Т-34 и другие рассказы о войне / Братья Швальнеры —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500250-1

От кого, как не от евреев — жертв Холокоста — ждать правды о войне? Пусть даже эта правда иногда не в их пользу. Тем сложнее — надо найти в себе мужество рассказать все как было, не приукрашивая подвигов Советской армии и не демонизируя всех, кто жил на территории Германии в злополучных 1941—45 годах. Лицо войны бесчеловечно, и даже герои подчас предстают на фоне ее истории в неприятном свете... Если не боитесь — то новая книга знаменитых русских писателей из Тель-Авива для вас.

ISBN 978-5-00-500250-1

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

«Т-34»	6
В тылу врага	19
Два Юрия	39
Слово атамана	53
«Четвертый рейх»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Т-34 и другие рассказы о войне

Братья Швальнеры

*Все события и персонажи книги вымышлены.
Любое совпадение с реально жившими людьми или
героями других художественных произведений случайно*

*Друзьям и боевым соратникам —
Владимиру Гилеву и Сергею Копосову —
посвящаем*

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

Иллюстратор Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2019

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2019

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-0250-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Т-34»

10 июля 1944 года, Москва, СИЗО «Лефортово»

«Я, гвардии лейтенант Николай Ивушкин, будучи бойцом 20 армии Западного фронта и командиром танкового экипажа боевой машины «Т-34» во время битвы за Москву в ноябре 1941 года, в результате отражения танковой атаки эскадрильи 11 танковой дивизии вермахта во главе с гауптманом Клаусом Ягером, вместе с механиком-водителем моего экипажа Степаном Василенком оказался в немецком плену. На протяжении следующих трех лет совершил семь попыток к бегству из различных лагерей для военнопленных, в которые меня перемещали в целях предотвращения дальнейших побегов. Несмотря на применение ко мне физической силы, ни в одном из лагерей я не назвал своего имени и звания. В связи с этим весной 1944 года был направлен в лагерь смертников SIII в Тюрингию для уничтожения. Там я встретил остарбайтер-переводчицу Анну Ярцеву, к которой у меня возникла симпатия. В это же время уже знакомый мне Клаус Ягер, получивший звание полковника, прибыл в лагерь, узнав о моем перемещении туда. Он вступил в диалог со мной, из которого я узнал, что мастерство советских танкистов решено вермахтом использовать в качестве опытного примера на учениях с танкистами немецкими. В этих учениях было предложено участвовать мне и тем русским из числа перемещенных в лагерь военнопленных, которых я выберу. Я отказался, но в дальнейшем Ягер в моем присутствии стал угрожать жизни Ярцевой, что заставило меня принять его предложение. Для участия в учениях я выбрал рядового Ионова в качестве командира орудия, рядового Демьяна Волчека в качестве наводчика и случайно оказавшегося в том же лагере Степана Василенка в качестве механика-водителя.

Для участия в учениях, которые должны были проходить на учебном полигоне недалеко от лагеря, нам был предоставлен танк «Т-34-85», во время восстановительных работ в котором мы обнаружили несколько боевых снарядов. После этого нами было принято решение бежать с полигона. Сделать это мы могли только путем лобовой атаки немецкой эскадрильи, через главные ворота, поскольку площадь вокруг полигона была усеяна минами. В назначенный день мы, воспользовавшись дымовой завесой, рассеяли внимание врага и начали атаку танковой эскадрильи силами имеющегося в нашем распоряжении вооружения, что позволило быстро выйти за пределы учебного поля и направиться к границам протектората Богемии и Моравии, где уже велись боевые действия силами РККА.

В это время товарищ Ярцева выкрала из кабинета Ягера в лагере карты местности и размещения стратегических сил противника и под ложным предлогом покинула территорию SIII. Мы встретились с ней у ближайшей к лагерю автобусной станции, после чего продолжили следование в сторону Чехословакии через лесные массивы. На протяжении пути следования мы несколько раз принимали бой от танковых сил противника, включая эскадрилью самого Ягера, пустившуюся за нами в погоню. Однако, всякий раз нам сопутствовала удача, которая, вкупе с отличными боевыми навыками всех членов экипажа, позволила на третий день пути выйти на территорию Чехословакии, на границе которой нами был оставлен наш танк. Данное решение было принято, исходя из тактической трудности передвижения на броне и в целях недопущения случайного повреждения движущейся машины, в том числе с воздуха, силами противника. По прибытии на территорию СССР все члены экипажа были представлены к государственным наградам...»

Следователь Генеральной прокуратуры СССР Лев Романович Шейнин сидел в здании СИЗО «Лефортово» и читал написанную собственноручно автобиографию арестованного лейтенанта Николая Ивушкина, которого ему предстояло сейчас допросить. Все здесь было верно – и то, что он попал в плен, и то, что пытался бежать, и то, что совершил воистину

чудесный прорыв сквозь линию немцев на советском танке. Вот только в плену он пробыл слишком долго, почти всю войну, и тем подписал себе приговор. По тем временам этого было достаточно, чтобы арестовать человека и обвинить в предательстве. С ним так и произошло. В глубине души выдавший виды Шейнин не до конца верил в его измену, но Абакумов был в этом убежден. История о побеге «тридцатьчетверки» дошла до Москвы быстро – быстрее, чем освободившийся из плена Коля Ивушкин успел доехать до своего дома в Орле. Там его арестовали через неделю после приезда и сразу, ничего не объясняя и ни во что не посвящая, направили в распоряжение НКГБ. Минуту спустя он уже будет сидеть перед Шейниным в подвале, где обычно проводят допросы подстражных обвиняемых, все еще не понимая мотивов притащивших его сюда людей.

– Видите ли, – будет говорить Шейнин, – в распоряжении следственных органов имеются сведения о том, что 90 процентов всех русских пленных на территории Германии добровольно перешли на сторону гитлеровцев. Было создано военизированное формирование под названием «Русская Освободительная Армия» под командованием пленного генерала Власова, которое состояло из попавших в окружение солдат и офицеров РККА и принимало участие в боевых действиях на стороне рейха. На захваченных территориях они вели агитацию среди населения, дискредитировали Советскую власть и лично товарища Сталина, обещали привилегии всем, кто перейдет на сторону захватчика. А иной раз – даже казнили парторботников и партизан! А вы под Москвой сражались в составе армии, которой как раз-таки командовал генерал Власов!

– Но я его никогда в глаза не видел – ни до плена, ни в плену, ни после освобождения. Я даже не знаю, как он выглядит!

– Это возможно. Но повод – пусть небольшой – есть. Повод подозревать вас в причастности к деятельности антисоветских оккупационных формирований коллаборационистов. Между прочим, остатки этой власовской «армии» до сих пор действуют и создают угрозу для наших войск. Пусть незначительную, но угрозу!

– И что? Поэтому надо всех, кто был в плену, грести под одну гребенку и обвинять голо-словно?

– Конечно, нет. Я же сказал, что речь идет о девяноста процентах. Оставшиеся 10 из плена бежали, и к ним никаких претензий нет...

– Я тоже бежал. 7 раз за три года.

– Бежал, бежал и не добежал. Все три года только и делали, что бегали? Больше вообще ничем не занимались?

– О чем вы?

– Ну, между побегами...

– Да вы хоть понимаете, что такое «бежать из плена»?! – закипел Ивушкин. – Я читал, что во время Первой мировой немцы отпускали военнопленных из лагерей под честное слово, они бежали – и все равно их ловили.¹ А с той системой охраны, которая существовала в Тюрингии, в сердце рейха, даже шаг вправо или влево сделать было нельзя!

– Понимаю, что трудно, – спокойно отвечал следователь. – Но ведь 10 процентов все же смогли это сделать. Война есть война, там всегда трудно и тяжело, да и противник попался подготовленный и жестокий. Но некоторые смогли. А некоторые – как вы, например, – нет. А на какой улице живет слово «не могу»?

Ивушкин округлили глаза.

– Не знаю.

¹ Кантор, Юлия Зораховна. Тухачевский. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 440 с. – (Жизнь замечательных людей; вып. 1692 (1492)). – ISBN 978-5-235-03730-4.

– На улице «не хочу»! – рявкнул следователь. – Кто хочет, тот ищет возможности, а кто не хочет – причины, среди которых охрана, страх за свою жизнь, боязнь наказания, а может, и неуверенность в победе Красной Армии!

– Вы бросаетесь предположениями, а в то же время их нельзя положить в основу обвинительного приговора... Вы говорите, что солдаты Власова убивали на полях сражений и на оккупированных территориях. Но ведь я-то не убивал! Я из лагеря в жизни никуда не выходил. Да, было, предпринимал попытки бегства, но неудачные... Так какое отношение я имею к предателям? Да и до агитации меня бы никто не допустил, у них для этого свои борзописцы были...

– Ну что вы, никто вас голословно не обвиняет, – осадил нрав блюститель порядка. – Конечно, вы не принимали участие ни в агитации, ни в уничтожении наших людей. Но почему-то именно вам Ягер поручил участие в совместных учениях с солдатами вермахта, именно вам доверил управлять танком. Если бы он сомневался в вас, то на пушечный выстрел вас бы не подпустили ни к полигону, ни к чешской границе.

– Я... не могу отвечать за его действия... Единственное, что я знаю – это то, что меня он считал крупным специалистом в области танковой техники и ведения ближнего боя. Потому поручил участие в штабных учениях именно мне... Будь в его распоряжении пленный танковый генерал, поверьте, я бы уже давно жарился в лагерной печи...

– Допустим. Допустим, он признал в вас крупного специалиста и будущего маршала бронетанковых войск. Но ведь за всю войну вы принимали участие только в одном танковом сражении – тогда, во время битвы под Москвой? Достаточно ли этого, чтобы говорить о каком бы то ни было профессионализме?

– Не знаю. Ягеру было виднее.

– Ошибаетесь. Виднее мне. Такой профессионал, как полковник Ягер не мог не понимать, что в танках вы понимаете как заяц в геометрии.

– Зачем же я ему понадобился на учениях?

– Чтобы инсценировать побег. Потом выпустить вас через границу и забросить в СССР, в самый тыл.

– Но зачем?! И почему именно я?

– Во-первых, у вас биография подходящая. Столько побегов – кстати, возможно, нарисованных, которых и не было в действительности, – сложные отношения с командованием лагеря, героические обстоятельства пленения... Во-вторых, попав в СССР, вы, по расчетам командования вермахта, сразу бы получили звезду Героя, танковый экипаж и ринулись бы на передовую. С такой, опять же, биографией и, как вы сами говорите и что подтверждается «побегом» с тренировочного полигона, высокой квалификацией танкиста проникнуть в святая святых важнейших наступательных операций – раз плюнуть. Вот и все, дело сделано. Вербовать никого не надо, искать генералов-предателей не надо, все можно и так узнать. Через лейтенанта. Но какого лейтенанта! Вроде бы и незаметен, а в действительности – величина, ни дать ни взять...

– Странно.

– Что странно?

– Если вам верить, все было спланировано и разыграно как по нотам, но почему тогда Ягер погиб во время проведения учений? И погиб не от чего-нибудь, а от моего осколочного снаряда?

– Ну, это просто. Во-первых, мы не знаем, точно ли он погиб, возможно, это тоже выдумка абвера. А во-вторых, никто не застрахован от случайностей даже при выполнении стопроцентно верного дела. Вы немного не рассчитали, он не принял мер предосторожности – а в итоге все опять-таки на руку командованию вермахта, так как создает видимость реального побега!

– Вам бы книжки писать, – усмехнулся Ивушкин.

– А я и пишу, – насутился следователь. – Про то, как советский народ борется с немецко-фашистским захватчиком и его прихвостнями, оборотнями. Среди которых вы и такие, как вы...

– Вы снова пускаетесь в предположения, которые...

– ...да, да, я знаю, к делу не пришьешь. Но вот признание пришить можно. Согласно доктрине советского уголовного процесса, именно признание является царицей доказательств!

– Вы так убеждены в том, что я признаюсь в том, чего не совершал?

– Думаю, да. У нас для вас есть козырь, который вам крыть будет нечем.

– Какой же?

– Всему свое время. Пока подумайте и примите решение добровольно – попались, имейте мужество сознаться. Ведь, когда этот козырь будет на столе, ставка будет уже совсем другой, и положение ваше будет менее выгодным, чем сейчас.

– Угрожаете?

– Предупреждаю и предлагаю пораскинуть мозгами. Недолго. До завтра. И подумать о том, что больше половины от таких перебежчиков, как правило, отказывающиеся сотрудничать со следствием жизнь заканчивают пулей в лоб. Тот, кто поумнее, выбирает жизнь – в самом суровом лагере лучше, чем на том свете. Хотя... утверждение спорное. Оттуда ведь пока никто не возвращался.

Хохоча и радуясь собственному остроумию, следователь покинул кабинет и велел вернуть Николая в камеру.

В этот же день, здание НКГБ на Лубянке

Супругу и боевого товарища Николая – Анну Ярцеву – арестовали днем позже. Ей вменялось то же самое, но местным органам наркомат запретил информировать арестованную – они там, на месте, не верили в обоснованность обвинений и питали к этой, во всех смыслах героической, девушке возвышенные чувства. Могли дать слабину и отпустить. Потому им вообще запретили с ней о чем-нибудь разговаривать. Все должны были объяснить в Москве.

Участь объяснять выпала помощнику Шейнина, следователю Никитину – сам Лев Романович был занят «главарем», и потому не имел на нее времени. Решено было допросить ее в тот же день, что и Николая.

– Я хочу знать, за что меня арестовали?! – переступив порог кабинета, начала с нападения Аня. Она все еще верила в то, что произошло какое-то досадное недоразумение, и все еще станет на свои места – героиню войны не могут просто так взять и бросить за решетку.

– Ишь ты, какая быстрая, – усмехнулся следователь в майорской форме, затягиваясь папиросой. – погоди, всему свое время. Только вот дурочку валять передо мной не надо – думаешь, поди, просто так тебя в Москву, в центральный аппарат НКГБ притащили?!

– Ошибки со всеми случаются, а только героиню войны вы не имеете права...

– Ой-ой-ой! Гляньте на нее! Героиня, фу, ты- ну, ты! В чем же твое геройство проявилось? В том, что через линию фронта не побоялась перейти под немецким крылышком, чтобы потом здесь же, на родине палки в колеса вставлять?! Диверсии организовывать?! Шпионить?!

– О чем вы говорите... Я два года в немецком плену пробыла, едва там не погибла, а вы...

– Ты не юли. Правду лучше сразу. Так хоть надежда есть на то, что к стенке не поставят. А в противном случае я ни за что ручаться не могу...

Аня все еще пребывала в недоумении, когда дверь отворилась, и на пороге появился высокий, статный человек со строгим выражением лица и в форме генерал-полковника. Следователь вскочил из-за стола и вытянулся во фрунт.

– Здравия желаю, товарищ нарком! – отчеканил он.

Ничего не отвечая, гость прошел вглубь кабинета и остановился у окна. Проходя мимо Ани, он смерил ее презрительным и в то же время глубокомысленным взглядом.

– Вы... нарком? – робко спросила Аня. – Вы товарищ Абакумов?

– Я нарком, – бросил он.

– Тогда... я должна сделать заявление...

– Я за этим сюда и пришел.

– Понимаете, товарищ нарком, – лепетала она. – Здесь творится беззаконие. Мы с товарищами совершили побег из немецкого плена. Прорвались к своим через освобожденную Чехословакию. А меня здесь обвиняют в предательстве, в измене! В том, чего я никогда не совершала и о чем даже помыслить не могла. Как же это так, товарищ нарком?!

– Ну раз обвиняют, значит, есть основания. Не думали об этом?

– О чем? – ошарашенно спросила она.

– Ну вот, например, о том, когда вы бежали из плена?

– Я же сказала, летом 44-го...

– А попали в плен когда?

– В 42-ом.

– Так. Что два года делали? Что мешало в течение этих двух лет бежать, учитывая, что в плен вы попали и долго находились на территории СССР?

– Но тогда территория была захвачена немцами... Я была без сознания длительное время, а потом меня угнали в рейх...

– Допустим. Кем вы работали в концлагере в Тюрингии?

– Я была остарбайтером. Переводчиком. Ну еще мелкие хозяйственные работы выполняла.

– Так. Тяжелых работ не выполняли?

– Нет, у меня здоровье слабое. Немцы всех проверяли при поступлении, врачебными комиссиями осматривали. Их интересовали здоровые люди, на них можно было ставить опыты. А такие как я... Да и переводчиков на русский у них не было, а русских пленных в лагере было полно.

– Может, вас там изнасиловали? Может, вы, как и многие советские женщины с некогда оккупированных территорий, ребенка ждете от немецкого солдата?

– Ой, Господи, – горько улыбнулась Аня. – Да разве я им нужна была? У них целые бордели для солдат были устроены, так что...

– Ну это вы со своей колокольни так рассуждаете. А теперь войдите в наше положение. Два года в плену без единой царапины находится женщина. Немцы к ней не пристают, не насилизуют, тяжелых работ не поручают, она работает на правах капо, сотрудничая с аднаркомацией концлагеря. И вдруг ее сравнительно спокойно, вместе с тремя ее товарищами, немцы пропускают через линию фронта. Как прикажете нам реагировать?

Аня вдруг с ужасом поняла, что не найдет поддержки в лице этого иезуита, но обидя за только что рухнувшую справедливость продолжала бушевать в ней и проситься наружу.

– Но я... я не виновата... мы побег совершили, как настоящие солдаты... а тут... наверное, товарищ Сталин не знает...

– Ишь ты! – всплеснул руками Абакумов и рассмеялся. – Ну конечно, лучшая защита – нападение. Как вышка замаячила перед носом, так сразу про товарища Сталина вспомнила! Только я и без товарища Сталина тебя и твоих поделничков – шпионов неудавшихся – к стенке поставлю! Я...

Он не успел договорить – зазвонил телефон. Следователь взял трубку и вскоре передал ее наркому – звонили из Кремля. Как видно, Сталин был настолько вездесущ, что явился по первому же ее призыву.

– Так точно, товарищ Сталин, приходится самому допрашивать. Сейчас основные силы мы бросили на фронт, там кругом лазутчики, так что оперативной работой весь центральный аппарат занимается... Никак нет, товарищ Сталин, не забыл. Думаю, скоро начнем операцию... Нет, нам удалось завербовать достаточно многих. Людвиг Бек, Штауффенберг, адмирал Канарис, бывший посол в СССР Шуленбург. Все они Гитлера ненавидят и готовы как можно скорее свернуть боевые действия... Да, технически тоже все готово – думаю, будет бомба... Нет, прямо там, в «Вольфшанце». Один взрыв и готово, нет негодяя. А уж потом мы им все договоренности 39-го года припомним... Есть, товарищ Сталин! Буду докладывать ежедневно!

Положив трубку, Абакумов смерил допрашиваемую самодовольным взглядом.

– Слышала? Сам товарищ Сталин звонит, интересуется, как у нас идет работа со шпионами. Ну ничего, скоро и вам, и вашим немецким хозяевам конец придет. Слышала, наверное, что докладывал? Со дня на день с Гитлером мы покончим. Взлетит на воздух он и его клика, и тогда поймете вы, что бесполезно и бессмысленно с нами воевать и даже думать об этом. Тогда наперебой вспоминать станете свою «трудовую биографию». Вот только нужна ли она нам будет тогда, когда война закончится? Подумай. Дорога ложка к обеду.

Повернувшись к следователю, Абакумов бросил:

– Ты вот что. Если она не одумается, тащи ее к их главарю, Ивушкину. Он все равно больше всех знает, с ним и надо работать плотнее. Припугни его, что порвешь ее на куски, а надо – и порви. Пусть понимает, что сам виноват в том, что происходит с его экипажем. Глядишь, не она, так он поумнеет, а нам того и надо – он ведь у них главарь, и знает больше всех. В общем, действуй по обстоятельствам...

13 июля 1944 года, СИЗО «Лефортово»

Шейнин взял выходной, и сегодня Ивушкина предстояло допрашивать тому самому следователю Никитину, который накануне познакомил Аню с наркомом Абакумовым. В действительности, Лев Романович решил использовать старый прием со злым и добрым следователями, но не сведущему в правовых вопросах Николаю не было об этом известно. Завидев нового человека, он было подумал, что тот сможет во всем разобраться и установить его невиновность, но первой же фразой Никитин поставил крест на этом зыбком предположении.

– Ну как? Подумал над предложением Льва Романовича?

– Подумал.

– И что скажешь?

– Что сказать мне нечего.

– Понимаю. Много времени прошло, мог и подзабыть что-то. Ладно, постараемся напомнить, – он поднял трубку телефона и велел завести обвиняемого. С интересом Коля глядел на дверь – пока в ней не появился Демьян. Тот самый наводчик, с которым вместе, рука об руку, они пару месяцев назад совершили свой легендарный прорыв. Он был изрядно потрепан, напуган – ясное дело, после такого подвига и в таком месте очутиться, – но неугасимый задор в глазах выдавал в нем того самого Волчка, на которого Ивушкин возлагал самые сложные боевые задачи.

– Здорово, командир, – натянуто улыбаясь, пробормотал вошедший. С одной стороны, он был рад видеть боевого товарища, а с другой обстановка не располагала к проявлениям положительных эмоций.

– Здорово, Волчок! – сквозь подкатившие при воспоминаниях о побеге из логова слезы улыбнулся Ивушкин. – Тебя тоже?

– Как видишь.

– А за что?

– За то же самое, надо полагать, – он робко посмотрел на следователя, который пока занимал позицию безучастного наблюдателя происходящего. – Вот говорят, что нас немцы в концлагере завербовали и инсценировали наш переход к своим с целью шпионов забросить. Признание требуют подписать... Бред...

– Ну да, сначала пытали, били как собак три года, едва в печь живьем не сунули, а потом вдруг так облагодетельствовали, что домой разрешили вернуться...

Волчек непроизвольно хохотнул, вдумавшись в слова командира – версия гэбистов действительно выглядела притянутой за уши.

– Ну-ну, – махнул рукой Никитин. – Вы мне эти свои шпионские штучки бросьте. Этот кабинет ежедневно десятки таких, как вы, видит, и врать в его стенах даже кощунственно...

– Так, если вы нас шпионами считаете, – взывал к логике следователя Коля, – то зачем эти очные ставки устраивать? Шпионы никогда не сознаются ни в чем, разве не так?

– Так. Действительно. Не сознаются, пока угроза жизни не стоит...

– Слушай, майор, да передо мной эта угроза последние три года...

– Не спеши, – тихо произнес Никитин, подойдя к Волчку и приставив к его голове заряженный пистолет. Тихий лязг затвора свидетельствовал о том, что пистолет снят с предохранителя. – Я не о твоей жизни...

Николаю стало страшно. Нечто похожее он уже видел – тогда, в СМ, подобные действия полковника Ягера заставили его принять решение. Как тогда ему казалось, верное. Сейчас казалось иначе... Разница была только в том, что тогда его собеседником был враг, а сейчас – советский солдат, такой же, по сути, как и он сам...

– Ты... ты что?

– Я сосчитаю до трех, а ты прими решение. Если примешь верное – он будет жить. Нет так нет.

– Командир... – страх от всего происходящего завладел и Волчком, который тоже не привык видеть своих, стреляющих в своих. – Командир, что же это?!

– Раз...

– Да погоди ты... в чем сознаваться-то? В чем?!

– Не валяй дурака... Два...

– Командир, ты что? В чем ты собрался сознаваться?! Лучше умереть стоя, чем...

– Три...

– Да погоди, майор! Майор!

Грянул выстрел – следователь сообразил, что Ивушкин ничего не скажет. Бездыханное тело Волчка упало под стул, от него к ногам Николая просочился маленький и тонкий алый ручеек. Танкист обессиленно и отчаянно обхватил голову руками, прижал ее к коленям и неслышно зарыдал.

Никитин тем временем спрятал пистолет обратно в кобуру и вернулся за стол:

– Понял теперь, что мы не шутим? Что своим упорством ты ставишь под удар жизни близких тебе людей... – Он нажал на кнопку под столом, и в дверях появился часовой: – Убегите отсюда труп. И заводите второго фигуранта.

Тот взял под козырек и скрылся, а как только Коля открыл глаза, новое, еще более ужасное, зрелище предстало его взору. Хотя, само по себе ужасным оно не было – ужасным было представление Николая о том, что может произойти в следующую минуту.

На смену часовому на пороге показалась Аня. Николай встал и хотел было подойти к ней, как вдруг окрик следователя остановил его:

– Сидеть! Хуже будет!

– Аня...

Влюбленные встретились взглядами. В эту минуту они говорили больше, чем слова.

– Вот, значит, Анечка, какого ты себе мужа выбрала! Глазом не моргнув, убил Волчека, своего боевого товарища. Да-да, убил! Мог спасти, а не сделал этого. Всего и надо-то было – правду рассказать. Ты посмотри, как же ты за обещания гитлеровцев поганных держишься. Все надеешься, что войну проиграем, и ты к ним уйдешь сливки собирать?! Нет уж... Что ж, теперь посмотрим, на что ты готов ради любви. Хотя, о какой любви можно говорить с предателем?..

Коля опустил глаза и увидел, что руки за спиной Ани скованы наручниками. Никитин приблизился к ней и стал осматривать по-хозяйски – как падишах осматривает новую рабыню в гареме. Мгновение – и он одним рывком сорвал с нее платье, под которым она оказалась абсолютно голой. Коля рванулся с места, но был остановлен – в руке майора снова мелькнул пистолет. Обойдя ее вокруг еще пару раз, Никитин толкнул девушку вперед, на стул, на котором пять минут назад сидел убитый Волчек. Она упала лицом вниз, но на ногах стоять осталась – таким образом, самая привлекательная ее часть оказалась перед лицом изувера.

Он не смог сдержать плотоядной улыбки, как она не могла сдержать слез, буквально душивших ее в эту минуту. Слез позора, стыда и ненависти к той стране, ради которой, во имя высоких идеалов, еще вчера готова была отдать жизнь и ради которой даром отдавала ее сегодня. Тем временем Никитин стал истово расстегивать брюки – пистолет в его руке мешал. Он бросил злобный взгляд на Николая, как бы предупредительно грозя ему, а пистолет отшвырнул на стол. И, как только он потерял бдительность, как только лязгнул замок ширинки, Ивушкин словно орел ринулся ему наперерез.

Два борющихся тела катались по полу и что есть сил молотили друг друга, а Аня только ревела громче. Так продолжалось несколько секунд – пока на крики и странные звуки не бежали охранники. Они оттащили Николая от следователя и еще пару минут били его ногами – пока хозяин кабинета не приказал им вернуться на места. Понятно, что охоту продолжать свои грязные делишки ему на сегодня отбили, но окончательно сдаваться он не собирался.

– Ничего, ничего. Посмотрим, как ты завтра запоешь. Мы к вам еще одного привезли подельничка. Думаю, он расскажет больше вашего, и уж тогда тебя, – он ткнул пальцем в Николая, – точно к стенке поставят, а тебя, – зло посмотрел на Аню, – сквозь строй пропустим. Узнаешь, как любят настоящие русские солдаты, не эта фашистская мразь... Ничего...

Не было бы счастья – драка выбила Никитина из колеи. Он снова нажал на кнопку под столом и велел развести арестованных по разным камерам.

...Сидя в четырех стенах, Коля понял, что его прежние надежды на некую высшую справедливость более, чем беспочвенны. Ни Сталин, ни Калинин не помогут ему, потому что сами создали систему, жертвой которой Коля становился с чудовищным осознанием для себя этого факта...

Он вспомнил, как в 40-ом, в 41-ом, перед войной, в его родном Орле НКВД одного за другим забирал инженеров, врачей, учителей. Почти всех их Николай знал лично, и причем с положительной стороны, что никак не давало ему поверить в действительную виновность их в столь страшном обвинении как «враг народа». Да и не понимал он толком, что это такое. Равно, как не понимал, как никогда не бывавший за границей доктор может оказаться японским шпионом. Не понимал, какое отношение имеет к убийству Кирова никогда не видевший его секретарь Орловского горкома. И не понимал, как мог старенький учитель французского языка быть членом тайной террористической организации, имевшей в планах убийство Сталина и осуществление государственного переворота. Это не уместилось в голове юноши, и потому все чаще задавался он вопросом: «Неужели наверху об этом не знают? Неужели подобные ошибки, часто приводящие к смерти людей, допускают Сталин и Берия?» И однажды этот вопрос сорвался таки с его уст. Тогда в гости к ним пришел его дядя, инструктор Орловского горкома партии. И ответ, который он дал, потряс Николая до глубины души:

– Наверху знают все.

Больше дядя ничего не сказал, да больше было и не надо – разумному достаточно. А неразумному тогда еще Коле вдумываться в сказанное стало некогда – началась война. Она оттеснила все другие проблемы и несчастья на второй план и, казалось, они ушли навсегда. Казалось. Сейчас, когда она уже подходила к концу, а Ивушкин пережил все, что с ним случилось, судьба снова напомнила ему слова дяди и поневоле заставила задуматься об их истинном значении. А значение это было ужасно – если он был прав, то в Москве для него и таких как он ответ на все стенания был один: к расстрелу. До сих пор остававшийся оптимистом и веривший – после всего пережитого – в то, что безвыходных ситуаций не бывает, Коля вдруг взглянул в лицо своему страху и безысходности.

А уже на следующий день в его голове родился совершенно потрясающий план. Причем, родился при потрясающих обстоятельствах – «добрый» Шейнин решил устроить ему очную ставку с Анной и невесть откуда взявшимся Степаном Василенком. По расчетам следователя, проявление доброты и милосердия после истерики Никитина должно было навести арестованных на «правильные» мысли. Расчеты оправдались.

– Ребята, я поговорил со следователем и могу вас уверить – иного выхода, кроме как рассказать все как было, у нас нет...

Степан округлил глаза и посмотрел на своего командира. Тот поднес палец к губам, давая знать о свой догадке и возможной хитрости Шейнина – их могли подслушивать.

– А что рассказать-то? – пребывая в недоумении, выдавил из себя Василенок.

– Рассказать, как мы планировали вернуться в Союз и отправиться тайными агентами рейха на передовую на броне нашей «тридцатьчетверки». Рассказать и показать наглядно, в каких отсеках была установлена прослушивающая аппаратура абвера, позволявшая при первом пуске напрямую подключиться к телефонии фронта, в котором бы служил танк и завладеть секретными данными... Детально пояснить и продемонстрировать, нажатием каких рычагов она приводилась в действие...

Одновременно с этим он стал рисовать на запыленном полу кабинета картину. Сначала провел большую линию, а сверху нее пунктирную – любой, кто хоть раз держал в руках карты, понял бы, что это граница. На одной ее стороне он начертил свастику, из чего стало понятно, что это граница рейха. А на другой нарисовал коробку с пушкой – это был их танк, оставленный на территории Чехословакии. Возле него нарисовал три палочки – это были они сами. Обвел их с танком большой окружностью и от нее нарисовал стрелку в сторону немецкой границы.

– Дать подробные показания о том, с кем и когда сотрудники абвера проводили беседы и почему приказали оставить танк на освобожденной территории Чехословакии, почему не дали разрешения отправиться на нем через линию фронта, боясь, что его могут подбить или повредить, а он нужен для выполнения секретного спецзадания и имеет внутри сложную систему слежения, шифрации и записи радио и телефонных соединений, проходящих через машину... – он говорил внятно и четко, озвучивая ребятам свою версию легенды, которая единственно могла сейчас спасти им жизни. Они еще не до конца понимали, как, но в очередной раз готовы были преданно отправиться в самое пекло вслед за командиром, который отвечал за них уже перед своей совестью.

Слушая его, Василенок замотал головой:

– Ты в гэтам уверен? – произнес он с присущим белорусским акцентом. – А кали воны, – он кивнул на дверь кабинета, – нас павэшають?

– Есть варианты?

– Нет, – отрезала Аня.

– Надо просто это сделать. Иначе будет хуже. Хуже, чем там, хуже любой печи, любой газовой камеры. Тогда нам давали шанс. Сейчас ни о каких шансах для нас, кроме этого, речи уже не идет. Мы обречены. Единственное, что может облегчить нашу участь – это покаяние

перед народом, с которым мы вели свою тайную войну все годы плена. Покаяние за совершенную ошибку и надежда на милость победителя.

– Думаю, народ-победитель нас простит, – подмигнула Аня. Раскрыть информацию, которой она обладала, она сейчас не могла ни под каким соусом, но по ее взгляду Коля и Степан поняли, что не все потеряно. – Только как мы сможем помочь самим себе? Ведь прослушивающая аппаратура осталась в танке, а он в Чехии.

– Верно. Без аппаратуры кто нам поверит? Грош тогда цена нашим словам, – наигранно задумался и огорчился Николай.

В эту минуту его догадке суждено было подтвердиться – дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился сияющий самодовольный Шейнин. Коля едва успел стереть свои чертежи с пола, по которому мгновение спустя прошли сапоги бравого следователя.

– Ну как? Договорились? Будем сотрудничать?

– Да, но есть осложнения.

– Какие?

– Танк, на котором мы бежали. Вы верно тогда сказали, что на полигоне имела место только имитация побега. Важно было все – обстоятельства, правдивость, а еще важнее сам танк. В нем была установлена секретная аппаратура, которая подключалась к радиостанции и телефону, расположенным внутри танка, по которым велась штабная связь. Единожды выйдя на связь с командованием, эти телефон и станция автоматически подключаются к аппарату штаба, а оттуда – по линейке – ко всем аппаратам, с которых совершаются звонки в штаб. Понимаете?

Шейнин выпучил глаза и забормотал:

– Мать честная, до чего фрицы додумались! Так это до самой Ставки, до самого товарища Сталина могли дотянуться!

– На это и был весь расчет. В дальнейшем внутри системы включается шифровальщик и начинает передавать разговоры в главное управление имперской разведки. Но тонкость этой аппаратуры в том, что включить ее очень сложно. Я сам до конца не знаю и уже не помню этой системы. По замыслу, меня должны были направить на фронт, где я бы вызвал вот их двоих, – он кивнул на своих товарищей по несчастью, – мы вернулись бы в Чехословакию, сели на нашу броню и отправились бы в бой к границам Восточной Пруссии. Если мы объединим усилия, то, конечно, сможем обрисовать эту систему, но и то приблизительно. Лучше бы нам показать это все на местности, в натуре, так сказать...

– Отправим туда наших инженеров и всего делов...

– Ни в коем случае! – вскрикнула Аня. – Дело в том, что система может быть выведена из строя, если только ей начнет управлять неподготовленный человек. Одно неправильное нажатие – и ей конец. Она защищена от посторонних проникновений...

– Ну так вы им все предварительно расскажете!

– С радостью, – снова включился в разговор Коля. – Ну а если ошибемся? Перед глазами-то ее нет, и даже самый точный чертеж по памяти может оказаться приблизительным...

– Дуже мудрая штукавина, – закивал начавший экстренно сообщать Степа. – Не тае што дэрнешь, и усэ – магчыма в овраг зваливаты. Цудовна наука...

17 июля 1944 года, немецко-чешская граница

Расчет Николая оправдался – оказавшись в сложной и интересной, с точки зрения перспектив, ситуации, Шейнин костью лег, но добился возможности организовать вывоз арестованных к месту расположения танка. 17 июля в сопровождении десятка охранников, следователя Никитина – сам он поехать не смог по объективным причинам – и нескольких

криминалистов все трое были доставлены к тому самому месту, где оставили совсем недавно своего бронированного спасителя.

– Предупреждаю, горячее из танка слито, так что не делайте глупостей, – предупредил Никитин. – Помните, что от ваших грамотных и правильных действий сейчас зависит ваша дальнейшая судьба.

Ивушкин опускался в танк первым. На ходу, только встав внутри него на ноги, он автоматически проверил ствол орудия. Надежды ни на что он не питал, и, честно говоря, вообще плохо представлял себе план осуществления побега – в отличие от немецкого концлагеря, в Москве условий для его подготовки не было. Все должна была решить импровизация. А этот его жест – быстро открыть и проверить ствол – был скорее механическим, присущим ему как командиру экипажа. Недаром говорят, что хорошему делу всегда помогает случай. С удивлением для себя увидел Николай в стволе снаряд... Не было времени проверять, какой он – бронебойный или осколочный. То, что он вообще по чьему-то недосмотру или провокации был здесь, уже было большим подарком судьбы.

Следом за Николаем в люк спустился фотограф от НКГБ. Затем – Василенок. Поймав его взгляд, Коля тут же обратил его внимание на ствол орудия и согласительно кивнул. Каждый все понял.

После Степана вооруженный следователь Никитин влез в машину и встал на месте наводчика, чтобы видеть все происходящее в машине. Он не выпускал из рук заряженного и взведенного пистолета. Вокруг машины стояли автоматчики, один из которых дуло направил прямо в приоткрытую форточку механика-водителя. Аня оставалась снаружи в качестве заложника. Крышка люка закрылась по команде следователя, а наверху на нее встал часовой с ружьем, и Никитин начал следственное мероприятие, которое в советском уголовном процессе называлось «проверка показания на месте».

– Ну, рассказывайте.

– Вот, – сидя на командирском месте, Ивушкин снял трубку штабного телефона. – Я ее снимаю, а Василенок в это время должен вон тот рычаг сдвинуть...

– Який? – спросил Степан.

– Не дури! – окрикнул его Никитин.

– Не памятью, громадка начальник...

– Ну вон тот, – показал наобум Николай.

– Вось гэтаг? – он переключил направление движения, случайно задев рычаг ручного тормоза. Танк, в котором не было топлива, покатился под гору. Движение было медленным и изнутри практически не ощущалось, а вот снаружи было видно хорошо, так как машина стояла на пригорке, там, где ее и оставили ребята во время своего прорыва. Сдвигать ее с места не решились – после того, как Ивушкин сказал, что любое прикосновение к ней может испортить систему.

– Да. Теперь надо звонить в штаб. Для этого по радио надо отбить шифровку, они в ответ сообщат номер линии...

Снаружи послышался стук – часовые стали подавать сигналы о движении танка. На звук Никитин встал и полез открывать крышку. Как только он выпрямился во весь рост и поднял руки вверх, Василенок одним ловким ударом выбил пистолет из его ладони и дулом вставил в самое интересное место, которым сейчас он к нему был обращен.

– Скажи, чтоб расступились! – заорал Ивушкин, наводя орудие на машину охраны. – Все к машине, живо! Живо, не то пристрелим!

Ощущая смерть в буквальном смысле слова пятой точкой, Никитин стал отдавать команды. Часовые стали сбиваться в кучу возле автомобилей, но с прицелов танк не снимали – как будто их пули могли пробить выдавшую виды броню, закаленную в боях с немцами.

– Ярцеву сюда! Ну, живо!

Никитин замедлил. Вдруг Василенок резко перенаправил пистолет на сидевшего тут же в недоумении фотографа и выстрелил, свалив несчастного наземь. Следовательно понял, что они не шутят, тем более, что очень скоро дуло пистолета вернулось на ранее установленное место.

– Давай ее сюда! Давай бегом! – крикнул он охране. Вскоре Ярцева взобралась на люк еле движущейся машины. Как только ее шаги услышал Ивушкин, он подал команду Степану, и тот что было сил толкнул Никитина двумя руками и пистолетом под причинное место, выдавив его из танка как пробку из бутылки. На его месте тотчас оказалась Аня. Люк захлопнулся, а машина продолжала движение под гору, в сторону ближайшего леса. На ходу выбросили из нее труп фотографа, ставшего случайной жертвой в борьбе ребят за жизнь. Завидев это, охрана попрыгала в автомобиле, очень удачно поставленные рядом. Моторы загудели.

Тем временем Николай уже справился с задачей по перенаправлению дула в сторону своих неприятелей.

– Стреляй, Аня! – заорал он что было сил.

В ответ она рванула гашетку на себя. Танк дернулся, а потом поехал еще быстрее, отталкиваемый импульсом снаряда. Несколько секунд спустя раздался грохот. Коля выглянул в люк – на месте обеих машин полыхало зарево костра, в котором погибло десять сотрудников НКГБ...

Докатившись до ближайшего леса, Василенок по команде Николая остановил танк ручным тормозом в самой его чаще. Правда, несколько деревьев по пути пришлось сломать, но все же в этом месте лес был очень густой, и найти их здесь было сравнительно непросто. Воспользовавшись этим, ребята вылезли из душного танка и встали на башне.

– Надеюсь, никто из присутствующих не собирается «прорываться к своим»? – задал риторический вопрос Николай.

– Гэта нет, да толькі што мы тут робіць будзем? Куды нам ховаться и кольки так жить? – спросил Василенок. – Танк опять же...

– Танк придется бросить здесь. Через пару часов все блокпосты чехов будут знать о нашем побеге, и он первый выдаст нас своим присутствием. А прятаться будем...

– Нигде не будем прятаться, – оборвала Колю Анна. – До ближайшего немецкого города километров 30. Помнишь, как ты велел мне ночами пробираться? По той же дороге и пойдем и вскоре будем в рейхе. У каждого из нас есть постановление о признании обвиняемым, где описаны обстоятельства нашего «сотрудничества с немцами». Это позволит нам беспрепятственно, хоть и под надзором абвера, попасть в Берлин.

– Ну да, – захохотал Степан. – А там яны нас припомнюць и к стенке зараз!

– Нет. Там мы встретимся с Гитлером. Он нас простит. Нам есть, что ему сообщить...

19 июля 1944 года, Берлин, здание рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе

К зданию рейхсканцелярии ребят доставили под конвоем. Рассказанная ими история о том, что они намерены просить политического убежища в рейхе, звучала неубедительно, и потому долгое время их вообще не желали слушать. Когда Аня объяснила, что от встречи с Гитлером зависит жизнь фюрера, стали относиться к их просьбе учтивее, но до конца все равно не доверяли. Правда, Гитлеру, конечно, обо всем доложили, и согласие на аудиенцию было получено.

Около полудня невысокий, сухощавый человек в полувоенном кителе со свастикой, штатских брюках и глубоко натянутой на глаза фуражкой показался в приемной. Руки он держал за спиной, шагал быстрыми, но мелкими шажками, а приблизившись, снял головной убор и продемонстрировал своим гостям свой облик. Короткие усики над верхней губой, зачесанные набок волосы и быстрый бегающий взгляд черных глаз. Перед ними стоял Адольф Гитлер.

Аня сделала шаг ему навстречу и заговорила по-немецки:

– С самого начала войны мы, все трое, оказались в немецком плену. Мы русские. В мае 44-го в концлагере в Тюрингии нам представилась возможность бежать на предоставленной в наше распоряжение броне танка «Т-34»...

– Как же, слышал, – исподволь улыбнулся Гитлер. – Слышал и восхищен вашим подвигом. Конечно, по закону следовало бы вас расстрелять, но тот факт, что вы явились сюда с повинной, покинув территорию СССР добровольно, существенно меняет дело...

– Нет. Дело меняет кое-что другое.

– Что же?

– В заключении я лично разговаривала со сталинским министром госбезопасности Абакумовым. При мне он беседовал по телефону со Сталиным и сообщил ему, что в ближайшие дни на вас готовится покушение. Оно будет осуществлено в месте под названием «Вольфшанце» при посредничестве ранее завербованных советским командованием ваших офицеров по фамилии Бек, Штауффенберг, Канарис и посла Шуленбурга...²

Гитлер побелел.

– Вы можете доказать свои слова?

– Нет. Вы можете поверить нам на слово или рискнуть жизнью. Если наши слова оправдаются, вы отпустите нас и предоставите нам германские паспорта и все льготы жителей рейха. Если нет, можете нас расстрелять...

Гитлер повернулся в сторону стоящего здесь же своего адъютанта Фегелейна.

– Чей доклад я должен буду выслушать завтра в «Вольфшанце»?

– Полковника Штауффенберга... – оторопело отвечал секретарь.

– Который является учеником..?

– Людвиг Бека...

– Кто организывает военный совет?

– Адмирал Канарис.

...Им было велено ожидать паспортов в какой-то небольшой гостинице недалеко от рейхсканцелярии. Они шли туда из главного здания рейха уже без конвоя и смеялись как сумасшедшие, привлекая к себе внимание прохожих гражданских лиц и солдат. Как им всем было объяснить, что ребята наконец-таки, после трех лет непрерывных скитаний, лишений и издевательств, обрели настоящую родину и настоящую свободу?! С этими словами в сознании каждого человека связаны только положительные ассоциации. И ребятам сейчас так хочется верить, что эта свобода никогда не кончится, а эта родина никогда не предаст! Так хочется верить во все хорошее! Поверим же и мы вместе с ними...

² Жан-Луи Тьерно. Штауффенберг. Герой операции «Валькирия». – Litres, 2017-09-05. – 342 с. – ISBN 9785457826021.

В тылу врага

Лето 1978 года, Москва

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов приехал домой поздно и уставший. Было много дел. Министр обороны Устинов представил на обсуждение Политбюро ЦК свой планы войны с Афганистаном – а точнее, с поставленным там НАТО-вцами проамериканским правительством, – который не устраивал председателя КГБ своей теоретической близостью с гитлеровским «блиц-кригом».

– Один уже пытался так страну захватить, где он сейчас? – справедливо вопрошал Андропов и тут же конструктивно предлагал свою теорию: война должна быть основательной и кровопролитной со стороны противника. Надо оставлять за собой выжженные степи, как говорил Владимир Ильич, только так можно избежать возрождения заклятого врага.

Но другой Ильич его не слушал. Андропов злился и ехал домой в растрепанных чувствах. На входе дома встретил его вахтер – бывший ветеран партизанского движения Николай Иванович Дударев. Горластый старик часто веселил именитого жильца дома партии и правительства, и сегодня он решил перекинуться с ним парой слов, чтобы немного загладить дурное впечатление от прошедшего заседания.

– Как дела, Иваныч?

– Спасибо, Юрий Владимирович. Вот газету читаю.

– Что пишут?

– А вот по вашей части... Где-то там в Аргентине поймали нациста бывшего, осудили и шлепнули значит. Эйхман какой-то...

– Ну что ж, отличная работа израильской госбезопасности «Моссад». А только причем тут я? Мне таких успехов не видать...

– Да бросьте. Все в ваших руках.

– Ну-ка, растолкуй?

– Уж не знаю, как их там в Аргентинах ловят и все такое, – вздохнул Дударев. – А только и тут их расселось, дай Боже.

– Да ну, брось. Откуда здесь, в стране, победившей фашизм, возьмутся вдруг фашистские прихвостни?

– А я тут, Юрий Владимирович, давеча земляка встретил. Служили вместе на Брянщине, в партизанах. Так вот он рассказывал, что была там у них одна палачиха немецкая, Тонька Никитина, ее еще «Тонька-Пулеметчица» звали.

– Почему так?

– Очень уж любила людей из «Максима» стрелять. Да пачками человек по 30. Выстроят их немцы перед ямой, а она по ним: трататататататататата, – как безумный задергался старик, сжимая в руках невидимую гашетку пулемета. – Перед войной в НКВД служила, а потом осталась в Локоте, на оккупированной территории. Добровольно, значит, от эвакуации отказалась. Я-то примерно ее лицо помню, но вот, что она там палачихой стала – этого не знал. А поди ж ты. Трататататататата, – снова забился в пляске святого Витта юродивый.

– Это как же ее после НКВД угораздило? – оборвал его в его иступленном представлении председатель КГБ.

– А чем оно лучше СС-то было? НКВД-то? – парировал Дударев. Андропов посмотрел на него с осуждением, подумав: «Ляпнул бы ты такое лет 30 назад, остались бы от тебя рожки да ножки», произнес многозначительно:

– Да, верно.

– И никто ее поймать столько лет не может!

– Погоди-ка, – вдруг задумался Андропов. – А ты откуда знаешь, что она здесь живет?

– Слухами земля полнится, – пряча глаза, заверещал старик. – Думаю так... Куда бы она делась? Любовник ее, бывший комендант Локотского самоуправления Каминский, погиб. Убили его. Линию фронта, то есть, не перешел. А без него нужна она им была? Они тогда отступали, только пятки сверкали. Бросили, а они и затихарилась.

– Что ж, поищем, – задумался председатель КГБ. – А послушай, если мы ее, предположим, найдем, сможешь опознать? Все-таки, судя по твоему живому рассказу, ты от нее еле ноги унес? Значит, должен запомнить своего палача. Говорят, у прошедших войну эти воспоминания до смерти перед лицом стоят. А, что скажешь? Сможешь опознать?

Дударев замялся.

– Я-то вряд ли, много лет прошло. Но вот кое-кому она точно в лицо запомнилась...

Старик вспомнил события одного августовского дня 1941 года, когда вместе с командой Брянского УНКВД во главе со своим старым товарищем Александром Сабуровым – с которым на прошлой неделе обсуждал эту тему и от которого и узнал о том, что фашистка прячется где-то в Союзе, – и той самой Антониной Макаровой выехал на задание, данное начальником управления. Шли тяжелые дни эвакуации. Враг подступал все ближе...

Лето 1941 года, Брянск

Перед самой войной в Брянске жила и училась на вечерних курсах правоведения выпускница Локотской средней школы Тоня Никитина. Училась хорошо, почти отлично. Всегда зубрила и мыслей не допускала о праздном образе жизни. Вместе с ней учился парень по имени Саша Сабуров, который настойчиво подбивал клинья к Антонине и на первых порах ей нравился. Только сильно переживала она от того, что не сходились никак их натуры.

Нрав Александра гармонировал с его внешностью. Лихой, разухабистый, не знавший ни страха, ни границ, ни пределов собственной силы, он то и дело влипал в ситуации, которые не красили его, но и не говорили о его злобе. Скорее, о безрассудстве и чрезмерной отчаянности, которые хороши бы были на войне, но никак не в мирной жизни. Он с завидным постоянством ввязывался в драки, но всегда – из-за девушки. Он не умел держать язык за зубами, но всегда его кто-нибудь на это провоцировал. Он часто и неуместно говорил правду, подчас нелिцеприятную, чем приносил окружающим немало страданий – но «они всегда первые начинали». И, если другой, оказавшись в схожей ситуации, мог бы уйти от открытого конфликта, понимая, что кулаками спора не решить, то уж Александр точно был не из их числа. С одной стороны, такое поведение демонстрировало в нем чисто мужские качества, и потому бросалось в глаза девицам, которые мало, что понимали в столь юном возрасте и тайно вздыхали по подобным персонажам, вроде бы и не виноватым в своих промахах. С другой стороны, не делая выводов о том, что твое собственное «я» регулярно ставит тебя в неловкие ситуации, ты как бы становишься заложником и, в какой-то мере, инициатором таких своих выходов. Мол, характер сильнее меня, и я сдаюсь. А такое упадничество никак не должно быть свойственно коммунисту, который умеет укрощать и тело, и дух.

Покладистый и точный характер Антонины не располагал к таким личностям. Да, были у нее подруги, которые отчаянно завидовали тому, что за ней ухаживает такой парень, не только внешне привлекательный, но и смелый, отважный, отчаянный (пускай даже до глупости), а вот ее это сильно задевало. Ну не могла и не хотела она видеть разложения близкого человека! Не могла видеть, как страдает он от собственной глупости, все чаще заливая нежелание бороться с буйным нравом вином. Не могла безучастно лицезреть его веселых гуляний с гармошкой в руках и запойным чтением на память столь же дурного Есенина. Не могла и не хотела мириться с тем горем, который неизбежно приносит с собой во взрослую совместную жизнь такой вот отчаянный, озорной хулиган.

Александр Сабуров

– Саша, – всякий раз всплескивала руками она, когда они оставались наедине и обсуждали очередную нелепую выходку, которую Сабуров позволил себе и которая вновь отразилась на Антонине, – ну о чем ты думаешь?! Ну неужели нельзя было промолчать?

В лучшем случае он нелепо отмалчивался, делая умиленное, блаженное лицо и смотря на нее влюбленными глазами. В худшем – начинал оправдываться.

– Промолчать – читай, сказать неправду?! Ты вот все советскими идеалами хлещешься, а вранье – разве это по-советски?!

– А так, как ты себя ведешь, это по-советски?

– Конечно.

– Почему же тебя, в таком случае, на бюро райкома комсомола вызывают?!

– Ну, мнение одного какого-нибудь заштатного секретаришки – это еще не принципиальная позиция Советской власти. Будь на моем месте товарищ Сталин, еще неизвестно, как бы он поступил...

Подобные разговоры выводили ее из себя, она разворачивалась и покидала место свидания. Тогда он, как правило, бежал за ней и начинал извиняться:

– Тонюшка, ну что ты, ну прости, не хотел я. Прости дурака...

– Сколько раз я уже это слышала? А потом что? Все по новой.

– Ну честное комсомольское, не повторится больше такого...

Она верила. Верила слишком часто, хотя последнее время уже и понимала, что после стольких обманов, наверное, не следует... Почему верила? Потому что приросла к нему, прикипела, и больше всего, как часто бывает в подобных случаях, была «обманываться рада», хоть и понимала умом, что, скорее всего, ничего путного у них не получится. Правда, тут появлялись те самые подруги, которые одобряли лихого и бесшабашного Сашку, и начинали ее убеждать:

– Что ты, Тоня! Он же такой красивый! А сколько стихов знает, и все наизусть... Да и не страшно с ним – в случае чего, всегда заступиться сможет. На других-то посмотри – один хилее другого, а этот все-таки парень с кулаками... А что до глупостей, то кто их в молодости не творит?!

Совет, что они давали – посмотреть на других – она как-то восприняла. А может, оно само получилось, только появился на горизонте ее молодой поляк, инженер Бронислав Каминский. Тихий, спокойный, ласковый, который видел в Антонине истинно предмет поклонения, а никак не средство самоутверждения, за которую, как выражались подруги, можно заступиться или, блеснув перед которой, прочитать на память полтома Есенина. Нет, он был не такой. Он старлся жить, а не казаться, в отличие от Сашки, которому вечно чего-то не хватало для нормальной жизни. Спокойствием и тихой, никому, кроме нее, не приметной уверенностью покорила он ее во время первого знакомства, в Брянской областной библиотеке имени Крупской, куда Антонина часто ходила после учебы и работы. Конечно, сразу не понравилось это подругам.

– Ну вот тебе! Нашла, кого с кем сравнивать. Тихушник какой-то, да и страшнее он тебя. Нет, этот ни стихов не прочитает, ни в драку не влезет за тебя...

– А вы считаете, что это нормально – когда из-за женщины мужчины ввязываются в драки?

Те смотрели на нее недоуменно:

– А что ж тут ненормального? Так испокон веков было...

– Было. С теми женщинами, у которых были низкие моральные принципы. А со мной такого не будет. Мне не надо такого. Дать повод для поединка – значит, повод дать двоим думать, что ты принадлежишь им обоим и отмалчиваться потом. А так делают только непристойные женщины из романов Бальзака...

– Что ж, по-твоему, Натали Гончарова тоже непристойная была?

– А разве нет? При живом муже вступить в отношения с Дантесом, после чего даже не покаяться перед полубезумным поэтом, а толкнуть его на смерть? Разве достойные дамы так поступают?

– А кто достойная?

Антонина задумалась:

– Жанна Д'Арк.

Девушки расхохотались и стали что-то ей говорить то про Орлеанскую Деву, то про Брониславу, а она их не слушала. И думала только об одном – чтобы совместить внешность Сашки и ум поляка?! Ну почему так никогда не бывает? Почему не бывает идеальных людей?..

Раньше она, правда, думала, что бывает. А потом как-то резко начала разочаровываться в людях.

Первый раз это серьезно произошло, когда Сашка, прознав о ее симпатии к Брониславу, с которым они тогда и знакомы-то были шапочко, подкараулил его в темном переулке и крепко побил. Она потом долго извинялась перед этим несчастным инженером, которого, после всего случившегося, кажется, полюбила («Она его за муки полюбила, а он ее – за сострадание к ним») и зачем-то пыталась выстроить отношения с Сашкой и все ему подробно рассказать, все объяснить. Понять-то, как ей казалось, он понял, но все же злобу затаил...

Второй – когда Сашка, видя, что симпатия Антонины к Каминскому не пропала, а только усилилась после его глупой и абсурдной выходки, решил победить соперника другими аргументами. Может, ей следовало бы помолчать и не пытаться привести его в пример Сашке, но она хотела как лучше. А получилось только хуже.

– Нашла кого в пример приводить, – хмыкнул Сашка. – Ты вот, к примеру, знаешь, что он за свои неполные 30 лет успел и в лагерях побывать?

– Ну и что? – не повела бровью Антонина. – Если он здесь, значит, рассчитался с обществом за свое преступление. Кстати, а за что он туда попал?

– Вроде за какую-то халатность на работе... Да неважно, что рассчитался, а важно, что побывал. Значит, уже не является полноценным гражданином, а?!

Она не слушала Сашку. Он допустил психологическую ошибку – те недостатки, которыми сам страдал и которые не раз привлекали к нему девичье внимание (то есть потенциальную антиобщественность действий) «вменил в вину» конкуренту. Тот и без того больше выигрывал в глазах дамы сердца, чем он сам, а теперь так и вовсе поднялся на ступень выше – не каждый, понимала она, может отсидеть срок, а потом снова стать полноценным членом общества, трудом доказав свое исправление и вернувшись сюда свободным.

Тогда Антонина поняла, что с Сашкой ей, скорее всего, не по пути. Правда, тут же на помощь ему пришел случай – третий из тех, в ходе которых она понимала, что идеальных людей нет.

Он случился, когда началась война. Тогда Тоня в полной мере узнала, что испытания подобного рода действительно проверяют людей на прочность, и проходят эту проверку далеко

не все. Если не сказать больше: практически никто не проходит. Да, сначала тебя долго обучают патриотизму и готовят к этой войне с «империалистическим хищником», которая должна начаться с минуты на минуту. Но все это оказывается лишь теорией. Практика оказывается чудовищной по своим масштабам. Человек просто не в состоянии найти в себе сил противостоять всему свету, который, кажется, в эту минуту ополчился против тебя. И он пасует.

Узнала это Антонина тогда, когда их, комсомольцев, не подходивших еще по возрасту для службы в армии, ввиду получения юридического образования предложили мобилизовать в НКВД, все сотрудники которого теперь служили в действующих частях и не могли полноценно выполнять свои трудовые обязанности. Она, как и Сашка, сразу согласилась. Неделю служба была самой обычной – патрулирование по городу, приводы хулиганов и карманных воров, которых ловили они, еще в школе, будучи дружинниками, и которые не могли им оказать серьезного сопротивления. Весь активный криминальный элемент с началом войны стали эвакуировать в глубокий тыл – ну, во всяком случае, так гласила официальная версия. Факт состоял в том, что они, вместе с зонами и следственными изоляторами, куда-то пропали.

Но потом началось активное наступление гитлеровцев. Задача усложнилась. В один из дней Антонину и Сашку вызвал к себе начальник УНКВД, товарищ Филимонов и заявил:

– Значит, так. Неприятель наступает. Неделю спустя тут будет линия фронта. Наша задача – организовать эвакуацию гражданского населения и ликвидацию объектов наземной инфраструктуры.

Про эвакуацию Тоня сразу все поняла, так как регулярно читала газеты и слушала радио. А вот что касалось второй формулировки, тут возникли некоторые затруднения. Тут Сашка пришел ей на помощь:

– Ну заводы, электростанции, мосты. Кому оставлять? Гитлеровцу? Для удобства? Нет уж.

– А что же с ними делать?

– Взрывать, сжигать.

– Как?! Народ столько лет строил, столько сил вложил, а теперь взять и сжечь, с землей сравнять?

– Несознательно рассуждаешь, товарищ Никитина, – вмешался Филимонов. – Сабуров правильно говорит, объекты должны быть уничтожены. Ни пяди земли врагу, забыла, что ли?! С завтрашнего дня и приступайте. В распоряжение вам дам троих, за неделю должны управиться. Кроме того, уничтожению подлежат территории, постройки и угодья бывших колхозов и крупных личных хозяйств.

– А это-то причем?! – не унималась Антонина. – Ну ладно, инженерные коммуникации, они помогут врагу в продвижении к нашим городам и селам. А причем тут земли? При чем строения и угодья? Как они навредят нам в войне, если мы сохраним все как есть?

– Во-первых, никто не знает, как именно дальше будет продолжаться война. Быть может, мы оставляем родные места не на один год. Так что же, этот год мы дадим неприятелю эксплуатировать наше имущество и возделывать нашу землю, чтобы он кормил нашим же хлебом своих солдат?! А во-вторых, последнее время на территории Брянской области участились случаи возвращения ранее высланных отсюда кулаков. Они ожидают наступления немцев и рассчитывают, в этой связи, на возвращение им ранее национализированных земель. Уж они точно будут врагу помогать, сколько могут. Значит, допустить того, чтобы готовая к вспашке или уборке урожая земля попала в их руки, нам никак нельзя.

На следующий день после разговора Антонину отправили в Малую Верховку – небольшую деревню недалеко от Локотя, где жили ее родители. Она должна была эвакуировать несколько семей и принадлежащий им скот. Люди выезжали неохотно, все время искали возможность отложить переселение на завтра, на неделю и так далее. Кто прикидывался больным, кто категорически отказывался выходить из дома, вызывая применение силы. Сознательная

Тоня такой несознательности людей сильно удивилась. Во время обеда решила поговорить с родителями.

– Да ты пойми, дочка. Как людям сниматься с насиженных мест?

– А как оставаться? Завтра ведь гитлеровцы придут в Локоть, так казнят вовсе, или угонят в Германию в рабство. Этого они хотят?

– А может, не случится такого?

– Мало ли случаев было? Чего ради им вас жалеть?

Родители переглянулись. Дочь не слышала и не понимала их.

– Ладно, – подытожила мать. – Когда нам-то с отцом сниматься?

– Завтра.

– Дай хоть три дня. С хозяйством разберемся да сами уедем налегке. А ты нам потом справку напишешь, что эвакуированы...

Все же она надеялась на родителей и потому сегодня их трогать не стали.

Но случай, в ходе которого она разочаровалась в людях, произошел позже, когда они вместе с Сашкой и членом ВЛКСМ Колей Дударевым поехали в Локоть, чтобы эвакуировать крупного подсобника, имевшего собственную мукомолку для подсобников и единоличников, и работавшего также по совместительству мельником в здешнем колхозе, Василия Меренкова. Он упрямо не захотел эвакуироваться после того, как увидел, как запылаха колхозная мельница стараниями бригады УНКВД.

– Это что же с моей мукомолкой будет?

– То же самое, дядя Вася, – упрямо отрезал Сабуров. – Или врагу прикажешь ее оставить?

– А меня куда?

– Ну что ты дурака валяешь? Что значит – куда? Сказано же, в эвакуацию. На Урал, в Сибирь, одним словом, куда враг не дотянется.

– И что мне там делать? Тут места насиженные, обжитые, а там что? Еще в морозы кинут, да со всей семьей, а там и подохнуть недолго. Уж лучше тут, на своей земле, да от пули вражеской, чем в мерзлую землю трупы наши бросать будут!

– Это как же понимать? – насупился Сабуров. – Остаться хочешь перед лицом неминуемого наступления? Предателем стать?

– Остаться хочу, это ты верно говоришь, а вот насчет предательства это ты зря. Я предателем – никогда.

– Есть установка партии, что все, остающиеся на захваченных территориях добровольно – есть предатели, – отрезал Дударев.

– Ну это как вам угодно, так и считайте, а только я никуда не поеду.

– Тогда, – резко вскрикнул Сабуров, так, что Антонина подпрыгнула от неожиданности, – выводи всю семью из дому.

– Это зачем?

– Политработу буду проводить, разъяснять...

– Хватит того, что мне уже сказал. Я сам все им передам. У меня там баба да двое ребятшек, мал мала меньше.

– Говорю, выводи...

Хозяин не решился спорить с решительно настроенным Сабуровым и ушел в дом на полчаса. Пока он там бродил, Дударев метнулся в сарай и обнаружил там пулемет с полным боекомплектом.

– Смотри, чего нашел... – сказал он, выкатывая пулемет.

– Точно в предатели собрался, – резюмировал Сабуров. – Еще и опасен. Надо радикальные меры принимать. Кто умеет стрелять из пулемета?

– Я на курсах ОСОАВИАХИМа обучалась этому, – робко заговорила Антонина. – А зачем тебе?

– Встань за гашетку на всякий случай.

Она послушно опустилась на колени перед пулеметом, все еще до конца не веря в реальность происходящего, когда тому же Дудареву все уже было очевидно. Она все еще любила Сашку и не могла смириться с мыслью, что он отдаст приказ стрелять по людям.

Вскоре хозяин с семьей показались на пороге дома.

– Значит так, – заговорил Сабуров. – За попытку остаться на территории врага, за хранение огнестрельного оружия и предположительную вооруженную борьбу с Советской властью, по врагам социалистического строя огонь!!!

Антонина не слушала и не слышала приказа. Она смотрела в ошалевшие от страха глаза людей, которые, пребывая в таком состоянии, будто вкопались в землю, и не могла понять, в шутку или всерьез говорил Сашка. Он не унимался.

– Огонь, кому сказано!

– Саша, да ты что? Там же дети! – попыталась образумить разошедшегося Сашку Тоня, но он выхватил из кобуры пистолет и приставил к ее голове.

– Предателей защищаешь?! Сама предать хочешь? Гляди, сей час туда отправлю и сам за гашетку встану!

Затвор патронника лязгнул у нее возле виска. Понимая, что он не шутит, а наверное, сошел с ума, и ждать от него можно, чего угодно, она зажмурила глаза и нажала на ручку на раме. Оглушительная очередь прервала женский вскрик. Мгновение, секунда – и все было кончено...

Потом, едва придя в себя, напившись воды, сквозь дым, гарь и копоть от подожженных ее товарищами дома и мукомолки продиралась Антонина к месту расстрела. Совсем маленький мальчик, лет трех, остался жив и просто без чувств лежал рядом с трупами родителей. Видимо, очередь не достала его по росту – он был ниже пулемета. Она погрузила его в машину и отвезла в детский дом. А тем же вечером – не разочарованная, а убитая поступком Сашки, который просто перестал для нее существовать как личность – нашла утешения в объятиях Бронислава.

Бронислав говорил ей, что собирается остаться.

– А ты не останешься?

– Но ведь здесь будут гитлеровцы!

– И что? Кто тебе сказал, что при них жизнь будет хуже нынешней?

– Да что ты такое говоришь?! Разве ты газет не читаешь, радио не слушаешь?

– В том-то и дело, что читаю и слушаю. Читаю то, что пишет Сталин, и слушают то, что он говорит. А кто тебе конкретно сказал, что он говорит правду? Разве маузер, которым ты давеча так ловко воспользовалась?

Тоня отвернулась, не желая продолжать разговор. Тогда Бронислав решил все объяснить подробнее.

– Ты не обижайся, а послушай. 20 лет назад Советская власть обещала всем свободу, равенство и братство – я как человек старший это помню. Что дала? Ничего. Только маузер и всеобщее равенство в колхозе или у стенки. Ни о каком братстве и свободе речи не идет. Людей обманули – обещали одно, дали другое. Сама видишь, как не хотят они отсюда уходить, а те, что когда-то ушли, то есть были изгнаны «абсолютно справедливым» строем, возвращаются в надежде на лучшее. А знаешь, откуда у людей такая надежда? Потому что хуже некуда. Самое темное время перед рассветом, а за ночью непременно наступает день. 20 лет мы живем тут хуже крыс. Нас заставляют убивать и сажать друг друга, а почему? Почему ты накануне так поступила? Потому что иначе не могла. Разве эта несчастная семья производила внутри тебя впечатление врагов Советской власти? Нет. Ты за свою жизнь боялась, потому и стреляла. Так же и на фронте. Солдаты десятками переходят на сторону врага, только нам об этом не говорят. А сражаются только тогда, когда оказываются в такой же ситуации, как и ты – когда

позади них идут заградотряды с пистолетами и пулеметами. И ты этого всего не видишь только потому, что упрямо закрываешь глаза... Ладно я, но родителей своих послушай.

– Они старые, что их слушать...

– Старые, а значит, опытные. Опытнее тебя. И что, они лгать станут? Почему уходить не хотят?

– Говорить стыдно. Хозяйства пожалели. Совсем как мещане горьковские себя ведут...

– И ты в это веришь?

– А зачем им мне врать?

– А затем, что ты пришла в форме НКВД, и с тобой еще один такой же.

Суровая правда его слов раскрыла глаза Антонине. Она повернулась к нему и посмотрела ему в глаза. До нее начала доходить отвратительная и жестокая реальность его слов.

– Ты правда так думаешь?

– А что тут думать? Что они еще могут сказать? Гражданскую прошли с большевиками, а тут хозяйства пожалели. Они бы не пожалели, если бы знали, что завтра вернутся и наживут новое. А тут – мало того, что едут, неизвестно куда и в какие условия, так еще и без ничего. А вернутся ли? А если Советская власть навсегда уйдет вместе с ними с их родины? А если уйдет она вскоре и оттуда, куда им предлагают отправиться? Может такое быть?

– Может... – прошептала Антонина. Голос сел – но не от страха, а от внезапного потрясения.

– Так вот и решай, Антонина. Пойдешь в неизвестность с тем, кто едва тебя саму к стенке не прислонил, или останешься здесь, со мной.

Бронислав Каминский

Она посмотрела в его глаза. Он снова мало говорил о своих чувствах и о своем отношении к ней, но по глазам опять читалось куда больше. Подумав немного, она обняла Бронислава что было сил – и это значило ее окончательное решение.

Лето 1978 года, Москва

Андропов в тот вечер внимательно выслушал рассказ старика, а наутро пригласил в гости, в кабинет на Лубянку старого товарища – ветерана МВД и бывшего депутата Верховного Совета СССР Александра Сабурова.

– Ты Дударева Николая помнишь? – спросил Андропов, предлагая ветерану кофе с коньяком.

– Как не помнить? Наш старый ветеран, герой войны. Я же еще когда депутатствовал, устроил его к вам вахтером. Мужик-то он неплохой, только крепко выпить любит... Как ему там служится? Небось, совсем старый стал?

Андропов как будто не слышал своего собеседника:

– Ты знаешь, он на днях рассказал мне занимательную историю. Про то, что в Локоте – где вы вместе служили во время войны – осталась проживать некая мадам по фамилии Никитина... Антонина, которая у немцев, когда они там стояли, палачом служила!

Сабуров чуть не подавился принесенным напитком.

– Что за сказки? Как такое может быть?

– Вот сам засомневался.

– Да ты нашел, кого слушать!.. – всплеснул руками Сабуров, неожиданно засмеявшись во весь голос. – Говорю же, старик совсем из ума выжил.

Он никак не мог признаться своему старому товарищу, что просто затаил обиду на свою бывшую возлюбленную и по пьянке, вспомнив о ней, разболтал старому сослуживцу выдуманную им самим историю. Тот же воспринял ее как данность, сопоставил с некоторыми моментами из своей собственной памяти, додумал кое-что, основываясь на прочитанном в любимых газетах и журналах и сформировал образ демонической женщины. Дударев, рассказывая Андропову эту утку, наделся только лишь развеселить вечно унылого жильца охраняемого им дома, и никак не надеялся на то, что следователи КГБ уже через неделю вызовут его, чтобы опознать того самого Васю Меренкова, о котором он как нельзя кстати вспомнит. При этом толком Дударев сам ничего не знал и полагался на правдивость рассказанной Сабуровым истории. Последний же точно знал, что вся она – от начала и до конца выдумка, – и теперь озабочился тем, как нивелировать последствия своей пьяной болтовни.

– Да ты что? – саркастически улыбнулся Андропов. – Так уж и пьяный?! Не думаю. Был бы пьяный, не нашел бы для нас ее жертву.

– Какую жертву?

– Она его не дострелила тогда, в Локоте. Некий... Вася Меренков. Он дал нам показания, мы составили фоторобот, провели колоссальную работу в Брянске и вышли на след одной дамы по фамилии Гинзбург, проживающий ныне в Серпухове. Она оказалась как две капли воды похожей на ту, что мы ищем.

– Но ведь этого же недостаточно!

– Согласен. Но мы никуда и не торопимся. Пока надо на какое-то время оставить ее в покое, чтобы как следует последить за ней и собрать, по возможности, все доказательства. Контакты ее проверить, удостовериться в личности. Но чутье мне все же подсказывает, что мы вышли на верный след...

Сабуров ничего не ответил старому другу. А тот, вернувшись вечером домой, не обнаружил вахтера Дударева – сменщик сказал, что тот приболел, и взял отпуск за свой счет на три дня. Сам же Дударев в это время ехал в поезде в Серпухов, где ему предстояло встретиться с Антониной. Правдивость истории, рассказанной Сабуровым, все больше и больше порождала в его душе сомнения, и он решил, встретившись с человеком лицом к лицу, сам отсеять их.

Следующим же утром ему посчастливилось встретить Антонину возле продмага. Возраст сказался, она, конечно, изменилась, но выдавший виды старик – ветеран НКВД – смог все же узнать бывшую коллегу.

– Антонина, – еле слышно бросил он, проходя мимо нее. Она обернулась. – Не узнаешь?

– Нет, – абсолютно не скрываясь, спокойно ответила пожилая женщина.

– Я Дударев.

– Какой Дударев?

– Николай. 41-й год, эвакуацию мельницы и председателя колхоза Меренкова помнишь в Брянске?

– А, – она слегка хлопнула себя по лбу, но встрече, казалось, была не очень рада. – Как дела?

– Нормально. Привет тебе от Сани Сабурова.

– Где он сейчас?

– В Москве, совет ветеранов МВД возглавляет, большой человек, друг Андропова.

– Ты тоже там?

– Да. А ты тут?

– Как видишь.

– Почему в столицу не поехала?

– А кто меня туда звал?

– Ну, могла бы все-таки... после войны многие ехали... особенно кто в партизанах служил...

– Ты ведь знаешь, что я осталась на оккупированной территории.

– Ну сейчас за это уже не судят, времена-то нынче не сталинские.

– Ну и что? Мне и здесь хорошо...

– Понятно, почему, – с осуждением бросал Дударев.

– Что тебе понятно?

– То же, что и тебе. Сабуров рассказал Андропову, что ты палачом в Локоте была во время войны, – старик предпочел умолчать о собственной гнусной роли в этой истории. – Даже свидетели уже нашлись. Хорониться тебе надо, уезжать отсюда.

Она обомлела:

– Я? Палачом?

– Да я и сам не верю! Только КГБ-шникам поди докажи!

По взгляду Антонины Дударев понял, что она не врет. Старые коллеги не стали бы скрывать друг от друга даже неприглядных фактов собственной биографии, коих знали в избытке. Дударев, как сам считал, разбирался в людях, а Антонина была застигнута им врасплох – врать в такой ситуации получается меньше всего.

– Что же мне делать?

– Говорю тебе, уезжать, прятаться надо.

– Как? А как же семья?

– Тут не о семье, тут о жизни уже думать надо...

– Какой ужас... – женщина спрятала лицо в ладони. – Какая гнусность! Как он мог?! Он же знал, что это неправда! Зачем он так поступил?!

– Ты правда, что ли, того? Не служила у них?

– С ума сошел?! – вскрикнула Антонина, поневоле привлекая внимание прохожих.

– А фамилию зачем сменила?

– Замуж вышла.

Старик хлопнул себя по лбу – худшие опасения подтвердились, Сабуров соврал. Он как безумный, на ватных ногах, отмахиваясь от Антонины как от призрака, побрел задом наперед и скоро скрылся за поворотом соседней улицы.

За встречей издали наблюдали сотрудники КГБ, которым было предписано следить за Антониной и категорически запрещено вмешиваться в ее контакты. Они действовали строго по инструкции – установили адрес гостиницы, в которой проживал Дударев, и скрытое наблюдение за его номером. Одновременно выяснили номер поезда, на котором он должен был вер-

нуться обратно – и очень удивились, когда он на него не пришел. Решили тайком проникнуть в номер, из которого он не выходил уже сутки – и обнаружили там его в петле.

– Повесился?! – всплеснул руками Андропов, когда ему рассказали о находке в номере серпуховской гостиницы и о том, как Дударев прощался с Гинзбург. – Ну все, так и есть, это она. Значит, запугала. Такого матерого старика- и запугала. Они до смерти опасными остаются, коллабационисты проклятые, об этом еще Юлиан Семенов пишет. Все, значит след взяли верный. Будем брать!

Весна 1942 года, Брянск

События со взятием войсками вермахта Брянской и Орловской области, условно объединенных ими в Локотскую республику или Локотское самоуправление, развивались стремительно. Наутро после ночи с Брониславом Тоня отправилась в Малую Верховку и осталась у родителей ночевать. Начальство потеряло ее, но спешка в связи со стремительным наступлением была такая, что до поисков уже руки не доходили. Вечером того же дня немцы вплотную подошли к Брянску, и Советской власти там след простыл. Волею судеб, Антонине повезло остаться на территории и остаться при этом живой. Впрочем, остались многие – на определенном этапе эвакуации, видя горячее нежелание людей уходить, НКВД решило не тратить пуль впустую и не оставлять после себя выжженную степь. Пули, логично рассудили они, потребуются на фронтах, а воля предателей есть воля предателей – после накажем.

И, стоило отгреметь последним боем на границах Брянска и Орловщины, стоило всем укрепиться в мысли о том, что неприятель пришел сюда всерьез и надолго, как жизнь начала налаживаться буквально на глазах. Первым делом выступил бывший местный дворянин и кулак, а ныне просто уважаемый человек по фамилии Воскобойник – его местные жители сообща избрали своим представителем перед немцами, которых боялись и, конечно, не доверяли. Он торжественно пообещал:

– Граждане! Сейчас, когда ненавистные коммунисты ушли с нашей земли, она будет принадлежать нам, как планировалось еще 20 лет назад. Мы вернем право частной собственности и возможность самолично получать доход от своей земли и всего, что на ней произрастает. Вам будет предоставлено право торговать и иметь прибыль с торговли. Налоги с этой торговли будут уплачиваться в казну нашего, Локотского, самоуправления, которое не будет входить в состав рейха, а будет только под его временной защитой. При этом с самим рейхом мы будем выстраивать дипломатические отношения и торговать на общих основаниях, как два независимых друг от друга государства. Всем, кого Советская власть незаконно выселила со своих насиженных мест, вернем уголья, а тем, кому незаконно распределила – выдадим новые, на необжитых землях...

Верилось ему тогда с трудом, хоть рядом и стоял группенфюрер СС. Людей можно было понять – им нечто подобное уже обещала в свое время советская власть. Однако, некоторое время спустя, когда потянулись в Локоть как с территории СССР, переходя линию фронта во время боев, так и с других освобожденных территорий бывшие кулаки, стали они занимать то, что ранее было у них реквизировано, стали торговать, в том числе скотиной, и никто их за это не наказывал, люди поверили. Поверили и стали следовать их путем.

Первое время самоуправление сталкивалось с недостатком продовольствия, отсутствием магазинов и вообще первоочередных товаров народного потребления. Но уже очень скоро с территории рейха стали приезжать, влекомые низкими налогами, подданные Германии, которые стали открывать здесь лавочки и торговые точки. Цены на товары, благодаря все тем же налогам, были невысокими, а запасов со времен жизни в Германии хватало на то, чтобы и здесь обустроиться самим сравнительно неплохо. Скоро эта проблема была решена.

Но тут столкнулись уже со следующей – имея богатый посаженный урожай, местные колхозы, быстро преобразованные в крупные фермерские хозяйства (где одни были хозяевами, а другие – батраками, но при этом жили намного лучше своего советского уровня), лишились в связи с войной и предшествующими ей массовыми репрессиями рабочих рук. Если урожай не убрать, то бюджет самоуправления, формирующийся как раз из отчислений этих самых хозяйств, был бы пустым, а война все же шла, и с этим надо было считаться – на оружие и обеспечение солдат деньги всегда нужны. Тогда было решено провести всеобщую амнистию. Освобождали как тех, кто воевал в Гражданскую на стороне белых и был репрессирован как старорежимный, так и кулаков, и вновь посаженных красных комиссаров и чиновников. Только последних особо строго предупреждали о мерах в случае повторения беспорядков.

А никому и не хотелось повторять. Бытие определяет сознание, и сытому человеку совершенно незачем преступать закон, когда тот же кусок хлеба можно для себя заработать без риска для жизни. Все, не помня себя, бросились в новую битву, отличную от тех, что еще недавно шли в окрестностях Локотя – в битву за урожай.

Пожалуй, если встретить тогда обычного локотского жителя и задать ему вопрос относительно того, поддерживает ли он Гитлера или Сталина, то... никто бы толком ничего не ответил. Да, первое время Сталина ненавидели, портреты его жгли, а в бюсты плевали, а теперь всей этой атрибутики попросту не осталось, и он стерся из памяти народа, занятого обеспечением своей жизни, а не жизни партийной верхушки, как это было в, казалось бы, уже мертвом СССР. Люди отвлеклись от политики, и в этом выражалось искреннее счастье народа, который, впервые за 20 лет, смог заняться трудом – тем, чем ему и полагается заниматься от природы, – а не тем, что отведено только узкому кругу высшего эшелона власти. И все очень скоро стали счастливы от этого.

Правда, было небольшое отклонение в виде бывших кулаков и эсеров, которые ненавидели в прошлом членов партии и старались при первой возможности навредить им, даже преступив закон. Но за это карали, и карали строго. Новая жизнь, по замыслу Воскобойника, должна была стереть старые условности и все воспоминания о гнусной жизни при советской власти, заставлявшей людей терять человеческий облик. По-настоящему чистый лист должен быть чистым от любых клякс.

Когда решался вопрос с колхозами, первое, с чем надо было определиться, это возврат реквизированных земель, что пополнили колхозные запасы и за счет которых эта форма крестьянского «самоуправления» существовала все годы Советской власти. Однако, в таком случае на улице и без средств к существованию остались бы десятки и сотни простых тружеников села, никогда ничего не имевших и едва ли не силой принужденных вступить в колхоз. Кроме того, след многих бывших владельцев села давно простыл и затерялся на бескрайних просторах земли, позже названной Солженицыным «Архипелаг ГУЛаг». Кому должно будет достаться их имущество и как избежать несправедливости при ее распределении?

Чтобы разрешить эти коллизии, было решено правления колхозов распустить, а в их число включить на правах коллективных собственников имущества бывших владельцев земельных угодий, предоставив им право общим собранием принимать все важнейшие для артели решения. Те земли, которые останутся невостребованными, будут в равных долях принадлежать труженикам, отказавшимся от своего советского прошлого и решившим трудом «выкупить» эти земельные пай, доказав одновременно этими действиями свою преданность новой власти, пришедшей всерьез и надолго.

Таким образом, очень скоро сельскохозяйственные артели стали основным источником дохода Локотского самоуправления, которое рейх начал рассматривать как полноценного политического и экономического партнера. И, если кого внутри самоуправления и удивляло лояльное отношение ставки фюрера к территории, которую он запросто мог провозгласить своей, угнав, как в ряде других мест, население на принудительные работы в Германию, и пре-

вратив ее в укрепрайон, то Сталина и его окружение – нет. Они прекрасно понимали, что важно и выгодно – в политических целях – здесь, под Москвой, под носом у вождя, создать ощущение удовлетворенности людей жизнью, чтобы в самом сердце страны получить собственный анклав без единого немца на его территории и плюнуть в лицо союзникам и всему мировому сообществу, бросив: «Почему же так легко отказались они от идеи коммунизма? Может, не так-то и нужна им эта, навязанная большевиками, власть и эти, навязанные ими, порядки? Может, надо пересмотреть отношение к рейху и его якобы „оккупированным“ территориям?»

Правда, никто из них не мог ответить ни себе, ни товарищам на вопрос, почему же не удалось за все годы Советской власти устроить точно такое же ощущение у людей им самим? Может потому, что задача так не стояла?

Так или иначе, люди действительно были довольны. На территорию Локотя приезжали немецкие кинодокументалисты, включая знаменитую Лени Рифеншталь, и снимали как для немцев, так и для тех, кто, по их разумению, вот-вот должен оказаться под их пятой – о том, как не наигранна и доподлинно глубока радость русских людей, оказавшихся действительно освобожденными. И не надо стоять у них над душой с автоматом, пока идет съемка – ведь действительно счастлив тот, кто занят любимым делом. А, если при этом еще и получается не думать про хлеб насущный, то вообще жизнь удалась. Воскобойник и его окружение делали для этого все возможное.

Как бы парадоксально это ни звучало, но никто из местного начальства, включая присланных сюда все же для порядку немцев, не заботился о том, чтобы глушить советское радио или усиленно – как это обычно бывает на оккупированных территориях – насаждать пропаганду «прекрасного строя». Люди были не слепые, рассуждал Воскобойник, и без того все видели, а, по справедливому выражению Шекспира, «гремит лишь то, что пусто изнутри» – ярким доказательством тому служили постоянные радиопередачи из Москвы, в которых, захлебываясь от одной-единственной эмоции (по голосу больше похожей на звериную ненависть), Левитан то и дело вещал о «вражеских нападениях», «налетах», «страданиях жителей оккупированных территорий» и – тут же, минуто спустя – об «освободительном партизанском движении», «спасенных людях и территориях», «счастливых советских людях» и так далее. Антонина слышала все это и пребывала в состоянии шока – подумать только, еще вчера эта же самая беспринципная ложь в исполнении все того же человека заставляла ее служить несправедливому строю, в том числе и с оружием в руках...

Это воспоминание тяготило ее, она хотела поскорее от него избавиться, замести вечно всплывающие в памяти следы. Они с Брониславом часто навещали в детском доме Васю – сына расстрелянного мельника. Жизнь их складывалась вполне себе удачно, и они планировали после войны усыновить его – до ее окончания они сами не могли быть уверены в завтрашнем дне и обоснованно не принимали на себя ответственности за будущее мальчика. Пока же Бронислав стал заместителем Воскобойника, а Антонина поступила на службу в полицию – в ее обязанности как человека, владеющего оружием, входило патрулирование по Локотю и Брянску с целью выявления партизан и предания их полевому суду.

Да, партизаны, в отличие от действующих частей РККА, входили туда часто. Только вламывались, вопреки утверждениям советской пропаганды, не с целью «борьбы с захватчиками» и освобождения советских территорий, а все чаще с целью грабежей продовольственных складов. Потому и относились к ним как к мелкой шпане, к ворам и грабителям – гоняли, но не сильно. Их позицию можно было понять – советское командование делало на них определенную ставку, но снабжения не предоставляло. Надо было чем-то питаться. А также получать награды и звания – потому время от времени полицейских все же убивали, чтобы замазать глаза Ставке ВГК, но на полномасштабную борьбу с гитлеровским захватчиком эти налеты все же не походили.

Одним из организаторов партизанского движения был Александр Сабуров. Антонина несколько раз ловила его на налетах, но убить не решалась – хоть и не любила больше, а все же воспоминания не давали нажать на курок. Правда, ранила один раз. Случилось это в ту ночь, когда во время налета на продуктовый магазин Сабуров, которого она опять готовилась отпустить, решил вдруг с ней заговорить:

– Ты вот живешь с ним, а не знаешь, что его завербовали во время заключения.

– Кто завербовал?

– НКВД, кто еще.

– Послушай, перестань лить грязь на человека. Умей проигрывать с честью. Столько времени прошло, а ты все никак не успокоишься.

– Это я к тому, что придет время – сдаст он вас всех. Все еще вернетесь в Союз и будете к стенке поставлены – по его же доносу. А ему, как исполнителю задания, дадут лет 5 и отпустят.

Она не верила ни единому его слову.

– И поэтому, наверное, сейчас он открыл для РККА ворота, да? Сейчас – когда имеет все возможности к тому?

– Да не в том дело. Не понимаешь, что ли? Я к тому веду, что, когда вернетесь, тебе нужна будет протекция в НКВД. И это могу быть я. При определенных условиях.

– Каких еще?

– Ну, сама подумай. Столько времени без женской ласки – хоть на стену лезь. Дашь разок – и считай, что все грехи тебе Советская власть потом простит. Я-то ведь уже полковник... Нет, пожурим, конечно, для порядку, но строго не спросим. Не как с других предателей.

Он сделал шаг к ней и уже попытался распустить руки, как вдруг она – неожиданно для себя самой – вдруг выстрелила в него. Он скорчился и заскулил, пуля попала в руку, но все же ранение смертельным не было.

– Не прикасайся ко мне, пока вовсе не пристрелила. Бери, за чем пришел, и убирайся.

– Ну гляди, – захрипел Сабуров. – Как бы не пожалеть. Я ведь скоро и генералом стану, а когда война кончится, так с тебя спрошу, что мало не покажется. Пожалела. Для него-то не жалеешь...

– Тебе мало? Еще выстрелить?

– Да все, иду, иду...

По дороге в штаб она думала: «Вот ведь блефует, а не сдается. Поразительно – и как иногда блеф, произнесенный вслух, дает людям надежду и влияет на события. Конечно, не в этом случае, но вообще так бывает. Что на словах посеешь, то в жизни и пожнешь...» От этих мыслей ей стало нехорошо, и она поспешила отогнать их, ускорив шаг.

Вернувшись в штаб, она узнала, что в ту ночь партизанами был убит глава самоуправления Воскобойник. Теперь его обязанности по должности должны были перейти к Брониславу.

Зима 1979 года, Брянск

В зале ЦДК, при огромном скоплении народа и прессы судебная коллегия по уголовным делам Брянского областного суда в составе судьи и двух народных заседателей рассматривает дело Тоньки-Пулеметчицы – бывшего гитлеровского палача, оперировавшего на территории Локотского самоуправления во время войны, Антонины Никитиной-Гинзбург. Допрашивается основной свидетель обвинения Василий Меренков. Слово для допроса предоставляется подсудимой, которая сидит здесь без адвоката – никто из защитников не согласился предоставлять коллаборационистке свои услуги.

– Василий Васильевич, – робко начала Антонина, – вы помните меня?

– Да, – как по писаному, быстро отвечал Меренков. – Вы расстреляли моих родителей в конце лета – начале осени 1941 года, исполняя приказ немецкого командования.

– Скажите, а немецкие войска к тому моменту уже были на территории Брянской области?

– Нет.

– Почему же тогда вы уверены в том, что я исполняла приказ именно немецкого командования? К слову, я тогда служила в НКВД...

– История знает случаи провокаций со стороны вермахта, направленных на то, чтобы у советских граждан вызвать ненависть к Советской власти и социалистическому строю. Например, в 1940 году в Катыни, в Белоруссии, переодетые в советскую форму гитлеровцы расстреляли польских пленников...

– А что с вами случилось потом? Почему вас я не расстреляла вместе с вашими родителями?

– Случайно так вышло. Промахнулись вы. А потом сдали меня в детский дом.

– Кто сдал?

– Вы и сдали.

– Но зачем? Если передо мной, как вы выразились, командованием была поставлена задача ликвидировать всю семью, зачем мне потребовалось вас спасти?

– Этого я не знаю. Может, совесть замучила...

– Совесть? А немецкая тыловая администрация знала о том, что я отвезла вас в детский дом?

– Не знаю.

– Вам о чем-нибудь говорит фамилия Каминский? Бронислав Каминский?

– Если не ошибаюсь, это был глава оккупационной администрации в Локоте.

– Верно. А он часто навещал вас в детском доме?

Меренков посерел. Ему казалось, что, если сейчас он скажет неправду, то провалится сквозь землю. Да и при большом скоплении народа он не мог лгать – слишком отчетливо читалось все по его лицу, лицу человека, неискушенного в подобных делах и мероприятиях.

– Да, навещал.

– С какой целью?

– Вы и он хотели меня усыновить.

По залу прокатился рокот. Прокурор попытался прервать допрос, но судья настоял на продолжении – слишком важные обстоятельства открывались теперь. Меренкова раздирали противоречия – с одной стороны, он не мог врать, а с другой стороны, его показания вели сейчас к оправданию женщины, которую на скамью посадил не кто-нибудь, а КГБ, а потому могли иметь для него самые роковые последствия.

– Скажите, что случилось с мукомолкой вашего отца тогда, летом 1941 года?

– Ее сожгли при эвакуации мирного населения.

– Почему сожгли?

– Чтобы врагу не досталась, понятное дело...

– А что случалось с людьми, которые не хотели эвакуироваться?

– Тех, кто оставался на оккупированной территории, считали пособниками гитлеровцев.

– И какова была их судьба?

– Их расстреливали.

Очередной рокот негодования. Антонина радовалась. Меренков не находил себе места. Он решил прервать допрос. Решение нашлось неожиданно, пришло из глубины души:

– Я отказываюсь от всех показаний, данных ранее на следствии и в суде. И больше говорить ничего не хочу.

Под аккомпанемент выкриков из толпы он сел на место в зале, а мысленно вернулся к событиям прошлого лета, когда первый раз беседовал с сотрудниками КГБ...

Лето 1978 года, Москва

Сын расстрелянного мельника Василий Меренков был вызван на допрос на Лубянку и сейчас беседовал со следователем. Когда он рассказал ему все, что смог вспомнить, из своего военного прошлого, следователь задал вопрос:

– Итак, что же получается? Из всего сумбура Локотского самоуправления вы смутно помните только расстрел отца и матери, детский дом под Брянском, и то, как гитлеровцы прикрывались вами как живым щитом, во время отступления?

– Если коротко, то да.

Следователь с явным неудовольствием взглянул на Меренкова.

– Но расстрел отца и матери произвела вот эта женщина? – он выложил на стол несколько фотографий разных времен, на каждой из которых была изображена Антонина Никитина.

– Да, она. Только тогда она была в форме НКВД.

– Ну, гитлеровцы часто переодевались в форму НКВД, когда шли на свои злодеяния. Например, под Катыню, когда польских военнопленных расстреливали...

– Но ведь тогда шла эвакуация, и немцев там быть не могло!

– Во-первых, вы можете путать в силу малолетнего возраста эти события...

– Но...

– ...а во-вторых, в Катыни расстрел произошел в 1940 году. Войны тоже тогда не было и, чисто теоретически, не было немцев на территории Белоруссии. А вот попали как-то...

– А как быть с детским домом? Зачем палачу, который меня не добил, навещать меня там, если его руководством была поставлена ему совершенно иная задача?

– Совесть замучила. У палачей, а особенно у женщин, такое часто встречается... И вообще – вы задаете слишком много вопросов, не имеющих отношения к делу. Не только вы, но и иные свидетели – один из которых, да будет вам известно, успел пожертвовать жизнью в ходе следствия – дают показания о причастности Никитиной к зверствам гитлеровцев в Локоте. Вы должны воспринять это как данность. И от этого, что называется, «танцевать» в процессе дачи показаний в суде.

– То есть вы меня, свидетеля, как бы ориентируете на определенные показания? – удивленно спросил Меренков.

– Слов-то каких набрались, – скептически процедил следователь. – Не ориентируем, а приказываем. Ориентируют – это на Западе. Частные сыщики вроде Ната Пинкертон. А КГБ приказывает!

– Но ради чего? Кому нужна ложь?

– Еще раз вам говорят, это не ложь, – силовик уже начинал сердиться на своего недогадливого собеседника. – Это всего лишь восстанавливаемая вами по памяти с нашей помощью правда. Бывает трудно ее восстановить в отрыве от реалий, которые вы могли не знать или забыть в силу возраста. Для этого есть мы и есть историческая действительность, теперь уже ставшая очевидной. И еще. Хочу, чтобы вы правильно поняли. Если вы начнете отклоняться от этой линии, вас не поймут не только в суде, но и в других организациях. Поверьте, мы умеем контролировать исполнение своих приказов и наказывать за увиливание от него.

Лето 1943 года, Брянск

«Знание – сила», говорил Фрэнсис Бэкон. В этом плане пропаганда всегда играет с людьми злую шутку. Она затыкает им уши и не дает мобилизоваться в случае действительно

опасной ситуации. Пока локотское радио сообщало о надоях, посевах и торговле с рейхом, произошел перелом в ходе войны, и части РККА начали потихоньку стягиваться на подступы к Брянску. Антонина поняла, что дело плохо, когда Бронислав, придя однажды домой, сообщил ей о том, что набирается народное ополчение. Она в числе первых вошла в состав этих отрядов, но в последний момент решение об обороне Локотя было отменено – слишком велики были части РККА, практически взявшие самоуправление в осаду. Решено было уходить.

Перед отходом Бронислав и Антонина, в сопровождении десяти полицейских, собрались посетить детский дом. Эвакуировать целиком его было невозможно, потому детей оставили, что называется, «на милость победителя». А вот Васю Меренкова они решили забрать. Только не учли, что хитрый Сабуров, анализируя план отступления немцев из Локотя, первым пунктом в нем обозначил именно детский дом – он помнил, что появление жившего там Васи привело к концу их отношений с Антониной. Сам отряд во главе с Брониславом только подходил к приюту – у них еще были дела при эвакуации города, – когда Тоня первая пришла сюда. И стоило ей перешагнуть порог дома, как Сабуров вышел ей навстречу, держа пистолет у виска мальчика. Как по мановению волшебной палочки, отовсюду высыпались его партизаны.

– Ну здравствуй, Тоня. Говорил я тебе, что моя возьмет, и я тебе еще пригожусь, а ты не верила...

– Отпусти мальчика, – решительно заговорила Антонина. Она, хоть и была в меньшинстве, ни его, ни его людей не боялась.

– Отпущу, а ты пойдем со мной.

– Еще чего!

– Здесь я условия ставлю, а не ты. Время твое и твоего ухажера прошло... Не захотела тогда дать мне, так уж я теперь отыграюсь за все. Такое тебе покажу, ух!

Его бойцы захохотали, а Тоня, воспользовавшись отвлечением их внимания, бросила взгляд в окно – было видно, как из ближайшего подлеска выходили люди Каминского.

– Мальчика, говорю, отпусти. Тогда пойду с тобой.

– А куда его?

– Отдай его Брониславу.

Сабуров поразмыслил и согласился. Видя в окно приближение отряда и не желая столкновения, он вышел во двор, держа мальчика на прицеле. Вскоре во главе своего отряда показался Каминский.

– Стой, где стоишь! – крикнул ему Сабуров, трясая за плечи плачущего Васю. Тоне он велел остаться внутри.

– Что тебе надо?! – спросил Бронислав, тщетно ища глазами возлюбленную.

– Ты же за ним пришел, верно?

– Верно.

– Так вот. Я отдам его тебе, а ты мне отдай Антонину...

– Не получишь ты ее!

– Не торопись! Она в доме. Там полно моих людей. В лучшем случаеждемся наших, в худшем и ее, и пацана с собой заберем. Так как?

Каминский задумался. В этот момент из окна показалось лицо Антонины. Она кивнула ему. Тот опустил голову – условия Сабурова пришлось принимать. В эту минуту в небе что-то засвистело.

Всеобщее внимание оказалось приковано к облакам, которые со свистом разрезали советские самолеты. Минута – и одна, вторая, третья бомба с грохотом стали падать на землю, разрываясь и вздымая в воздух огромные грязно-огненные столбы пыли. Сабуров упал, оглушенной ближним разрядом, и в этот момент мальчик кинулся к Брониславу. Тот звал возлюбленную, но она не видела и не слышала его, отделенная от своего отряда клубами дыма и огня. Она только кричала: «Беги, беги!».

Самолеты тяжелой вереницей, казалось, опускались все ниже и ниже. Тоня все не отзывалась – на самом деле ее оглушило после очередного взрыва, и она лежала в охваченном огнем детском доме, ставшем вмиг ловушкой для десятков детей, на самом пороге, у которого встретил ее сегодня такой же бездыханный Сабуров. Каминский решил уходить – судьба мальчика беспокоила его больше, и это, с точки зрения законов военного времени, было правильно. Мертвых уже не спасешь. Мертвым не больно.

Тогда он не мог предугадать, что на пятый день отступления погибнет в бою с советскими войсками, а мальчика солдаты сдадут уже в другой детский дом – советский.

Зима 1979 года, Брянск

Наконец судья и двое заседателей остались в совещательной комнате. Женщина из народа, которой на минуту ошибочно показалось, что ее допустили к осуществлению правосудия, сразу же стала взывать к председательствующему.

– И что вы думаете?

– Сложно сказать. Доказательства сомнительные, да и мало их. Прошло много лет. Она своим трудом частично загладила перед обществом ту вину, которую несла на себе, если и была виновата.

Эти слова его прозвучали приговором самому себе. Уже в два голоса принялись кричать на него его самозванные коллеги – да так, что слышно было в зале, для которого все происходящее за закрытой дверью должно было оставаться тайной.

– Да что вы такое говорите, гражданин судья?! Мало доказательств? Конечно, за столько лет все и затерлось... И по формальным основаниям – как в Америке – отпустим ее?!

– Я не говорю про отпустить, я говорю про снисхождение... – оправдывался судья, но его никто не слушал.

– Конечно, фашисты конспирируются. Конечно, они умнее нас. Но мы сильнее, и должны им эту силу показать! И мы ее покажем!

– А как же свидетель?! – кричала женщина. – Тот, что повесился?! Почему он это сделал? Запугала она его, вот и повесился!

– Может, солгал, а потом совесть заговорила?.. – не унимался судья.

– Да какая совесть?! Наш советский человек, если солгал, то извинится, да и пойдет домой со спокойным сердцем. А тут другое было, тут страх им руководил.

– Почему же он в органы не пошел? Ладно на Западе они вешаются от страха, потому что там закон не работает и никого не защищает, но у нас, в нашей стране...

– А тут не в страхе дело, – снова включился мужчина, тоже, как и Андропов, очевидно, начитавшийся политических детективов Юлиана Семенова. – У них везде связи есть, они и телефоны могут прослушивать. Шантажировать телефонистов и прослушивать. Да и наверняка у нее какая-то группа защиты есть, шпионы, что на нее пашут. Иначе не могла бы она столько лет безнаказанно от правосудия скрываться по всей стране. Отследили бы, как только бы он шаг сделал из гостиницы – и не отыскили бы потом его следа в самой глухой лесной пустоши. А тут все ясно – он нам своей смертью сигнализировал о ее присутствии. И, чего там скрывать, во многом благодаря этой смерти, ее и удалось отыскать...

– А с потерпевшим как быть? С его показаниями, а вернее, с его отказом от показаний?

– А вот тут как раз все ясно. Он ее просто пожалел. Парень из детского дома, жизнью побитый, решил пожалеть бабушку. А вот мы как раз ему уподобляться не должны. Сияющий меч правосудия должен еще и над ним блеснуть. За обман суда и введение его в заблуждение! Ну да, Комитет госбезопасности с ним разберется...

Судья слушал своих собеседников и удивлялся тому, как ловко казавшиеся очевидными фактами приобретают в их извращенной интерпретации совершенно обратное значение. Впер-

вые за много лет юридической практики он начал понимать значение выражения «закон – что дышло», и увидел, как настроение толпы, заранее подготовленной и подогретой все тем же Комитетом, оказало чудовищное влияние на Фемиду, которая сегодня оказалась без повязки на глазах и начала взвешивать факты пристрастно и необъективно. Чтобы унять этих людей, он уже готов был пойти на определенный компромисс со своей совестью...

– Ну что тогда? Даем 10 лет? 15?

– Какие 15 лет, товарищ судья? Только расстрел.

– А вы как считаете?

– Так же. И даже, невзирая на все ваши доводы касательно доказательств. Она в тылу врага была, а раньше за это уже казнь следовала. Всем без разбору. Хотя бы за это надо.

– Надо подумать, – откровенно растерялся служитель закона.

– Тут думать нечего. Нас большинство. Пишите. К расстрелу.

– В тылу врага, говорите? А мне кажется, в тылу врага она сейчас...

– Что?

– Все, не отвлекайте, я приговор составляю.

...Известие о казни Антонины Никитиной-Гинзбург порадовало председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова. Он всегда радовался, когда лилась чья-то кровь, понимая только в таком ракурсе действительную социальную справедливость. Будучи неверующим, он часто повторял в узких кругах фразу Серафима Саровского: «Вам стало бы страшно, узнай вы, что такое настоящая справедливость». Когда другим было страшно, Андропову всегда было смешно. Потому он решил позвонить Саше Сабурову и поздравить его с окончанием процесса по делу нацистки, пойманной при его посредственном участии. Однако, на том конце провода его ждало разочарование – жена сообщила ему, что бывший депутат Верховного Совета СССР Александр Николаевич Сабуров накануне ночью приказал долго жить. Нашли его у него в кабинете. В руках он сжимал газету, где были изложены последние новости о процессе по делу Антонины Гинзбург.

Два Юрия

Лето 1982 года, Москва

Машина председателя КГБ остановилась у здания легендарного гастронома «Елисейский», теперь именуемого «Гастроном №1» на Кузнецком мосту. Следом, скрипя тормозами, подъехали и припарковались еще три машины с охраной. В мгновение ока площадка перед магазином оказалась заполнена людьми в серых костюмах, которые оттесняли прохожих и покупателей от входа, расчищая дорогу едва различимой фигуре старичка в пальто и в шляпе. На улице было лето, но одет он был по-зимнему – непрекращающиеся болезни не давали покоя старому измученному организму. Зеваки на улице, хоть и силились прорваться сквозь кордон, не могли этого сделать, а вот некоторым покупателям в магазине это удалось. Сразу понеслось по толпе «Андропов, Андропов», и вот уже бабки и тетки с авоськами кидаются едва ли не наперерез знаменитому покупателю, решившему почтить личным присутствием не менее знаменитый магазин.

– Товарищ Андропов, как мы рады, как рады! – кричат они.

– Юрий Владимирович, как там Леонид Ильич? – доносится из толпы.

Только товарищ Андропов не спешит им отвечать – не за этим он сегодня здесь появился. Он внимательно осматривает витрины, не переставая удивляться обилию товаров, об отсутствии которых только час назад говорил с трибуны здания на Старой площади Генеральный секретарь. Замдиректора магазина подлетела было к процессии, но была отправлена восвояси – председатель КГБ привык сам во все вникать и сам во всем разбираться, провожатые в магазине ему без надобности.

Юрий Андропов

– Ты подумай, – обратился он к своему заместителю Чебрикову. – Тут же настоящий рог изобилия пролился. Чего только нет!

– Так это только здесь. В остальных магазинах шаром кати. Да и потом – здесь не все на полках лежит.

– А где же остальное?

– В столе заказов, в подвале. Оттуда и Чурбанов, и Галина Леонидовна, и Щелоков, и Гришин отовариваются. А здесь через полчаса ничего не будет – разберут. Следующий завоз будет через пару дней, так что понимаете теперь, почему такое столпотворение...

– И все же, как я понимаю, в этом магазине лучше, чем в остальных?

– Так точно.

– Почему же я раньше ничего про него не слышал?

– Так вы и не так живете, как все вышперечисленные. По столам заказов не бегаете, получаете госпаяк и никаких излишеств. А сюда приходят любители жить на широкую ногу. Из высоких кабинетов, имею в виду.

– Все равно не пойму... В одном, отдельно взятом, магазине такое изобилие процветает. Значит, можем мы решить продовольственную проблему, можем?!

– Выходит так, – пожал плечами Чебриков.

– Так чего не хватает?

– Организации и...

– ...мозгов! – резко прервал его начальник. – Учиться всем нашим дуракам надо у такого руководителя. Как его звать?

– Соколов Юрий Константинович.

Андропов замер как вкопанный:

– Юрий Константинович?

– Так точно. Ударник коммунистического труда, лауреат Ордена Ленина, Герой Советского Союза.

– Вот даже как?!

– В войну получил, воевал на Втором Белорусском.

– Ты подумай. А родом он откуда, не знаешь случайно?

– Из Ярославля вроде.

– Вроде или точно?

– По-моему, оттуда.

Не помня себя, товарищ Андропов покинул магазин. И всю дорогу до дома вставляли перед его глазами картины из собственных воспоминаний...

Лето 1941 года, Ярославль

Солнце в этот день светило для 9-классницы Ольги Насоновой особенно ярко. Она проснулась в бодром и веселом расположении духа, рано так, что, кажется, еще не рассвело, собралась и с первыми петухами отправилась в райком комсомола. Сегодня она получала первый в жизни важный документ – комсомольский билет. Сколько радости, светлых и больших надежд, и в то же время ответственности свалилось на нее в этот день – одной точно не справиться.

Секретарь райкома по имени Юрий вежливо, но четко читал заповеди комсомольца, а она не слушала его, хоть и кивала для проформы головой – на первый взгляд, обычный человек, он казался ей каким-то особенно красивым и умным. Да и разве мог в такой день хотя бы первый встречный не показаться словно бы сошедшим с небес?! В такой день, когда вступает она во взрослую и сознательную коммунистическую жизнь...

Сам секретарь, видимо, заметил, как сильно она волнуется и потому, взяв под руку, решил проводить до школы, где теперь простая ученица будет получать знания на правах будущего члена партии. После торжественной церемонии шли они рука об руку и разговаривали обо всем на свете. Правда, говорил в основном он – слушая его, Ольга ловила себя на мысли о действительно недюжинном уме этого, молодого еще, человека, немного старше ее, но уже кажущегося таким опытным и прошедшим горнило жизни.

– А с личной жизнью как? Мальчики, поди, ухаживают? – ответственно, но как-то потечески интересовался секретарь, заглядывая в глаза явно понравившейся ему девице, в которой он с первых минут увидел большое будущее. Она смущенно улыбалась в ответ:

– Ну что вы...

– Ну просил же. Не надо на «вы». Просто Юрий. Не такая уж у нас с тобой большая разница в возрасте...

Ольга улыбалась все шире и лучезарнее и не могла сказать ему, что давно уже вздыхает по одному парню из ее класса, «Сорви-Голове», который отчаянно ухаживает за ней, но, благодаря своему характеру, все время попадает в нелепые ситуации, которые создают ему проблемы и не дают им быть вместе. То ляпнет что-нибудь секретарю школьного месткома комсомола, из-за чего не может вступить в организацию, и даже она уже обскакала его по этой линии. То в драку ввяжется за ее, Ольгину, честь, из-за чего, будучи отличником, вызовет нарекания учителей. То полезет ей за цветами на совхозную клумбу и потом битый час удирает от обезумевшего сторожа. А все же милый он, и ей очень нравится. И зовут его Юрием. Юркой. Хотела было рассказать о нем, но тут сама судьба ее опередила.

Стоило им с Юрием под руку подойти к зданию школы, как они стали свидетелями прелюбопытной сцены. Несколько человек – по всему было видно, что старшеклассников – валялись в земляной пыли, истово нанося друг другу удары кулаками. Ни звука, ни писка не доносилось из этих клубящихся комков, и только горстка учеников начальной школы с удивлением взирала на все происходящее. С трудом Ольга разглядела в толпе знакомые черты лица. Она вмиг посерьезнела, разволновалась и закричала:

– Юра!

Секретарь обернулся на нее. Она виновато произнесла:

– Это я не вам.

В этот момент из одного клубка показалась озорная вихрастая голова. Парень смотрел на Ольгу с теплотой и нежностью, и секретарь – человек от природы очень проницательный – понял, что именно личность тезки она скрыла при ответе на его вопрос. Предпочитая не останавливаться возле дерущихся, секретарь увел ее, а по дороге прочитал мораль.

– Я понял, – говорил он, – что это и есть твой воздыхатель. Только ты ему скажи, что драться для советского человека – последнее дело. Нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить на словах.

– Да вы... ты знаешь, он бы никогда не полез, если бы не увидел какой-то несправедливости. Значит, что-то они такое натворили, что решил он их проучить.

– Так не учат! Если видишь, что кто-то ведет себя неподобающим образом, на это есть соответствующие инстанции. Местком, партия, учителя, наконец. Скажи кому следует и все, иди по своим делам. А если вот так решать проблемы – недалеко и до исключения.

Ольга промолчала. Ей нечего было возразить. А вот секретарь призадумался. Девушка была видная, но – он читал об этом в книжках – девушки часто любят хулиганов. Значит, надо было от него избавиться. Уже на следующий день он отправился к директору школы и сообщил ему об увиденной драке и о том, что участника ее по имени Юрий не следует держать среди достойных учеников. Директор упрямылся, говорил, что он почти отличник и что в тот раз только лишь заступился за четвероклассников, которых обижали старшие школьники, но все же пообещал рассмотреть вопрос об исключении на ближайшем же педсовете.

Поняв, что плацдарм для активных действий расчищен, секретарь «случайно» встретился с Ольгой и упросил ее пойти с ним на свидание. Уж как она брыкалась, не хотела, отказывалась, но потом все же согласилась. А вечером, когда домашние улеглись, и она осталась в одной комнате с младшей сестрой Наталкой, решила посоветоваться с ней касательно сложного выбора между двумя мужчинами, перед которым ее неумолимо ставила жизнь. А той и говорить ничего не надо было – за прошедшие пару дней она уже, как писал Константин Симонов, «знала все, хоть ничего не знала» о сложностях в личной жизни сестры.

– Юрка-то он хороший, что там говорить, вот только...

– Что? – напряглась сестра.

– Нельзя таким открытым быть, как он.

– А каким же надо быть?

– Похитрее немного.

– Как тот? Старый?

– Да брось ты, – отмахивалась Ольга. – Он вовсе не старый. Это ты можешь звать его Юрием Владимировичем, а для меня он такой же Юра, только постарше. Постарше – значит поумнее. Может, нет и ничего плохого в том, что он такой опытный и взрослый. Значит, ошибок не допустит там, где Юрка запросто по характеру своему может и сам в беду попасть, и меня за собой утянуть.

– Да как же ты можешь говорить такое?! – юношеский максимализм Наталки не давал ей покоя. Она подскочила с кровати и вытянулась перед сестрой во весь рост. – Юра же спас тебя от этих негодяев, поступил так храбро, мужественно, а ты?! Думаешь про какого-то старика!

– Да не думаю я про него, чудная. Я просто сравниваю их характер, нрав. Говорю, что Юре тому же поучиться бы у своего тезки. Все-таки такой молодой, а уже комсомольский вожак!

– А каким путем он оказался там? За успехи в учебе или за красивые глаза его, поди, назначили?

– А за что же еще могут назначить?!

– Ты вроде старше меня, а дурочка дурочкой. Все же только и говорят, что он Кольку Масленникова подсидел. Когда Тухачевского врагом народа признали, увидел у него фотографию и написал куда следует. Масленникова тогда сразу куда-то на Урал перевели, а его на его место. Ну разве не так было?

– Да ну тебя, наговоришь сейчас. Разве только за это людей в комсомол на такие должности берут? Да даже если и за это – нечего фотографии врагов народа у себя развешивать! – оправдалась Ольга.

– Значит, закладывать хорошо?

– Я не сказала, что это хорошо, – отчаянно пыталась донести до сестры свою правду Ольга. – А только, если бы тот же Юрка две недели назад не влез в драку, когда пацаны старшие с четвероклассниками дрались, вопрос об исключении его из школы не стоял бы.

– А что же надо было делать, когда такие лоси били маленьких, ни в чем не повинных, ребяташек? В углу стоять и молчать?

– А как бы Юрий поступил на его месте? – старшего тезку она звала по имени полностью, без сокращений, считая, что человеку такого ранга уменьшительно-ласкательные прозвища явно не к лицу. – Пошел бы и сообщил директору. И тогда исключали бы не его, а настоящих зачинщиков драки.

Сестра посмотрела на Ольгу как на умалишенную:

– И это было бы по-советски?

– Да, по-советски, – искренне отвечала девушка. – Пойми ты, Наталка, что это в детстве можно что-то решить кулаками, а во взрослой жизни принципы действуют иные. Конечно, стучать и закладывать – это подло, но вот пресечь таким образом безобразие, по-моему, вполне допустимо. А что, если бы они его тогда сильнее избили, то лежать бы ему в больнице сейчас,

а то и где подальше. Могло такое быть?! Да запросто. А ну, как объявили бы зачинщиком? Тогда еще хуже – с милицией пришлось бы дело иметь. Так что у каждой медали две стороны...

Поверженная Наталка вернулась в кровать и продолжала уже оттуда:

– А ты не думаешь, что Юрку твоего хотят исключить именно потому, что он за тебя заступился, а не из-за каких-то там четвероклашек?

– Вообще, конечно, поступил он мужественно, – протянула Ольга, мечтательно глядя в окно. – И красивый он. И начитанный. Юрий, конечно, тоже начитанный, но... не мое. Хотела бы, чтоб у Юрки такой же отточенный ум был, как у старшего его товарища, чтоб с комсомолом проблем не было, чтоб поспокойнее он был – но ведь в мире не бывает ничего идеального, а? Какой-нибудь изъян в любом деле, в любом человеке найдется. Дело лишь в твоём отношении к этому изъяну – сможешь ли ты примириться с его присутствием в твоём человеке или нет? А мне кажется, что я от Юрки настолько без ума, что, будь он даже калекой каким или хулиганом законченным, все равно с ним на край света бы рванула...

Наталка заулыбалась – такой она любила и понимала свою сестру. Она уже раскрыла рот, чтобы сказать что-нибудь одобрительное про сестринского воздыхателя, но тут как на грех появилась бабушка и погасила керосинку со словами:

– А ну! Кто тут на край света собрался? Вот тебе край света! Спи давай, неча керосин ночами жечь, наговоритесь завтра... – И уходя ворчала: – Гляди, ну дня им не хватает, а...

И без слов Наталки Ольга понимала, что сердце и душа ее лежат к Юрке. И потому на свидание к Юрию не пошла, хоть ждал он ее в центре города, у фонтана, с роскошным букетом цветов в руках.

Правда, все же пробежала мимо его дома и тоже с букетом, но уже не с таким – а всего лишь надерганным из совхозной клумбы, но подаренным от души. Пробежала мимо окон быстро, как будто боясь среди ночи быть замеченной – а все же незамеченной не осталась. Секретарь вышел из квартиры, заведя ее силуэт в окне, и, даже толком не разобрав, она это или нет, хотел было кинуться вслед. Кинуться, чтобы сказать что-то вроде: «Дурочка, ну какое будущее тебя с ним ждет?! Так и будешь сопли на кулак мотать». Однако, этим планам не суждено было сбыться – тот самый, на чьем исключении так упорно, хотя и безнадежно настаивал секретарь, прошел за Ольгой следом все той же дорогой. Юрка специально шел следом, чтобы не попасться на глаза ее родителям, которые явно не одобрили бы столь позднего появления дочери в сопровождении кавалера – а все же оставить ее одну он не мог. Соперники встретились глазами и без слов поняли, что именно друг в друге кроется для каждого камень преткновения – как поняли и то, что теперь только судьба их рассудит.

...И она рассудила. 22 июня 1941 года. Спустя неделю после начала войны Юрку, который хоть и не состоял в комсомоле, все же призвали – бойцы на фронте были тогда ох, как нужны. И потому, что войска РККА отступали и терпели огромные потери под натиском более подготовленных сил противника, и потому, что, не желая, по выражению Шекспира, быть пушечным мясом, многие, в том числе тот самый пресловутый секретарь райкома комсомола Юрий Андропов, приписывали себе липовые болезни и избегали призыва, а, если и призывались, то искали пути комиссования. Храбрый и отчаянный «Сорви-Голова» Юрий Соколов был призван в ряды Красной армии, не найдя для себя возможным поступить так, хоть и не был членом комсомола...

Весна 1944 года

360 стрелковая дивизия 1 ударной армии Второго белорусского фронта с первых дней войны была сосредоточена в направлении северо-запада. Так сложилось, что основные боевые достижения пришлось на оттеснение ее личным составом войск группы армий «Север» от медленно, но верно сдаваемого Ленинграда в сторону Финляндии. Командование приняло

стратегически верное решение – чтобы не допустить усиления позиций врага, который мог соединиться с регулярными частями войск финнов, по миновании ленинградского рубежа дивизию решено было разбить на три взвода. Два из них должны были продолжать оттеснять противника, а третий должен был продвигаться в сторону прибалтийских рубежей, соединиться с партизанскими отрядами Вторым прибалтийским фронтом и не допустить соединения регулярных частей вермахта с финнами. На всем пути следования до Прибалтики взвод должен был организовывать точечные удары по движущимся частям противника и диверсии при помощи артиллерии. При этом открытые бои были категорически запрещены – взвод должен был поддерживать артогнем основные части 360 дивизии, которые в это самое время должны были открыто атаковать противника, либо осуществлять обстрелы ночью и на непродолжительное время. Таким образом, по мнению командования, очень скоро основные части группы армий «Север» оказывались истощены морально и физически, и возможная поддержка финских войск (даже, если таковая будет иметь место) не спасет их от окончательного разгрома уже сосредоточенными в Прибалтике частями. Возглавить взвод было доверено одному из лучших бойцов, который отлично и деятельно проявил себя в боях, получил уже орден Отечественной Войны и несколько медалей – сержанту Соколову Юрию Константиновичу.

День за днем следовала подконтрольная ему часть соединения по лесам, незаметно для противника продвигаясь ему в тыл, чтобы ночью дать кровопролитный бой. А следующим днем не спать, а снова идти за ними по пятам, изматывая как противника, так и себя самих. Неизвестно, кому досталось большее испытание – тем, кто убегал, или тем, кто догонял. Иногда, когда два основных дивизиона вступали в бой, с тыла приходилось поддерживать их огнем, который непрерывно велся с позиций лесных укреплений, занятых взводом Соколова, так что сон, если и перепадал, то не чаще нескольких часов в 2—3 дня. А потом – опять пыль, грязь, холод, непроходимые леса и огонь орудий.

Писать домой, где ждала его любимая, не было практически никакой возможности. А она в это время не находила себе места...

В один из дней Ольга шла с почты, снова грустная и печальная тем, что нет весточки от любимого – не знала, жив он или нет, не ранен ли, а неведение, пожалуй, есть одно из худших состояний, в которых приходится человеку пребывать за его многострадальную жизнь. Навстречу ей попался Юрий.

– Как дела? – как бы походя спросил он, в действительности надеясь завязать длинный разговор. Не выходила она из его памяти с первой встречи, что ж тут поделать. А жизненный опыт подсказывал, что нет лучшего момента для утешения женщины, чем переживаемый ею период грусти и отчаяния – так уж устроена женская натура, что именно утешитель в такую минуту становится для нее святым.

– Так себе.

– Вестей с фронта нет?

– В том-то и дело, что нет. Ни слуха, ни духа. Уж не знаю, что и думать. Может, ранили, может убили... – едва ли не плачущим голосом говорила Ольга.

– Ну-ну, стоит ли об этом так печалиться. Если бы случилось что, в первую бы очередь сообщили. Госпиталь обязан родственников извещать, а насчет похоронок сама знаешь – дня не проходит, как прилетает. Да и в войне перелом наступил, не то время сейчас, чтоб помирать, да и он не такой человек.

– Пожалуй, верно, – немного приободрилась Ольга. – А что же тогда? Почему молчит?

– Ну тут все просто. Надо хоть раз побывать на фронте, чтобы понять, что такое ППЖ.

– А что это?

– Кто. «Походно-полевая жена». Падшая женщина, призванная к службе в регулярных частях, чтобы... кхм... снимать напряжение с бойцов.

– Никак не пойму. Как снимать-то?

– А как женщины снимают напряжение у мужчин?! – отрезвил ее Юрий. – Точно так и ППЖ. У всего дивизиона, если не больше.

– Как же они туда попадают?

– Ну, например, стоит дивизия где-нибудь, в каком-нибудь селе. Оттуда приходят две-три девки или бабы, что без мужей, поладнее да покрасивее, и предлагают свои услуги. Чтоб, значит, боец в бою о родине и о товарище Сталине думал, а не о том, что ему от переизбытка мужского в организме на стену лезть хочется и не о том, что милая дома может быть все это время ему неверна. В этом, конечно, есть своя логика, но и женщинам тем не позавидуешь...

– И что же? Все на них зарятся, что ли?

– А как иначе? Столько дней – а то и лет – без женской ласки. Мужчина так устроен, что ему оно намного сложнее дается, чем женщине.

Она смотрела на Юрия и гнев кипел внутри нее —внушаемость и легковёрность так же свойственна девушкам, как и женщинам в возрасте. Не будучи толком ни в чем уверенной, она все же злилась на Юрку и в то же время – подсознательно – вспоминала, как носил ей цветы перед войной стоящий перед ней сейчас Юрий, как он смотрел на нее и как поучал, а в тех поучениях слышались и виделись ей почти отеческая забота и внимательность. И решила вдруг – сгоряча, ничего полноценно не взвесив и не обдумав, – что любовь это не слова, а дела, и присутствие рядом в трудную минуту (когда родине легче, чем тебе, и вообще есть много желающих ее защитить, в отличие от тебя, бедняжки) и есть дело и доказательство внимания. Взяла – неожиданно для себя и для него – собеседника под руку и пошла дальше с ним. А неделю спустя к Юрке, чей взвод стоял вблизи Даугавпилса, пришло письмо от нее.

«Я все знаю про ППЖ в ваших частях, прости. Понимаю теперь, почему долго не писал, но все же не хочу ставить тебя в трудное положение, добиваясь никому не нужных извинений. Я не такая глупая, как тебе кажется, и поэтому отпускаю тебя. Отныне я с другим, жду от него ребенка, потому не ищи меня и не пиши мне больше. Надеюсь, жизнь все расставит по своим местам»...

Грустил ли он, переживал ли после такого? Вряд ли – некогда было. Отдыхать удавалось редко, почти все время шли ожесточенные бои за прибалтийские города, которые больше напоминали вермахтовские укрепления. Только в эти минуты все больше хотелось ему умереть от шальной пули или случайного взрыва. Все меньше хотелось возвращаться домой и почти не было радости от удачно проведенных сражений. Никто из сослуживцев, сколь ни пытался, не мог добиться от скрытного Юрки признаний о причинах его уже видимого волнения. И никто, как ни старался, не мог увидеть слезы, которыми обливалась его, мальчишеская, в сущности, душа под грохот артиллерийских снарядов.

Лето 1982 года, Москва

На второй день после посещения «Елисеевского» председатель КГБ товарищ Андропов, впечатленный увиденным и услышанным, вызвал к себе начальника московского управления КГБ Виктора Алидина.

– Что вы понимаете под государственной безопасностью, Виктор Иванович? – с порога претенциозно начал Андропов. Начальник управления едва только раскрыл рот, как хозяин кабинета оборвал его: – Это не только борьба со шпионами, контрразведывательная деятельность и проведение спецопераций, но еще и безопасность экономическая. Если внутри страны процветает коррупция, экономический произвол и хаос в области снабжения, то нельзя сказать, чтобы безопасность ее не находится под угрозой.

– Далеко хватили, Юрий Владимирович. С коррупцией у нас проблемы чуть ли не на самом верху, сами понимаете, – генерал Алидин был человеком прямолинейным, и оче-

видных вещей предпочитал не таить даже от высокого начальства. – Сколько мы с вами вместе бьемся вокруг Чурбанова, Гришина и Щелокова – а воз и ныне там...

Юрий Соколов и его гастроном

– Именно поэтому я вас и вызвал. Почему у нас до сих пор ничего не получалось в заданном направлении? Потому что очень резко замахивались. А надо все делать постепенно, поэтапно.

– Ну как же тут сделаешь поэтапно, когда рыба, как вы сами говорили, гниет с головы?

– Верно. Но иногда бывает так, что источник гниения не в голове, а в других, менее значимых органах, более доступных для хирургического вмешательства.

– Загадками какими-то говорите...

– Никаких загадок. Ты что-нибудь про «Елисеевский» гастроном знаешь?

– Ну как не знать? – развел руками Алидин. – Я все-таки начальник московского управления, и гастроном этот находится в зоне моей юрисдикции.

– И что можешь сказать?

– А что тут скажешь? Прекрасный магазин, всегда полки ломятся от товара, чего не скажешь о других...

– Вот, – всплеснул руками Андропов. – Я тоже давеча туда зашел и ахнул – кругом шаром кати, а тут такое изобилие, не хуже, чем в капстранах! Спрашивается, откуда такое? Ну ты конечно ничего не знаешь и даже предположить не можешь, поскольку, как и все, видишь только внешний фасад. Я же в самую суть всегда гляжу. И увидел, что подозрительно это все. Правда, и причина сразу же нашлась. Как оказалось, там отовариваются все те же Гришин, Щелоков, Чурбанов, Косыгин и прочие, до которых у нас с тобой давно руки не доходят. И получается, что не может гастроном не блистать таким изобилием ради столь дорогих гостей. А откуда изобилие берется? От взяток. Значит, обдирая наших граждан за заморские деликатесы, львиную долю отправляет начальник гастронома в качестве взяток наверх, тем самым, которые отовариваются. Никто не хочет рубить сук, на котором сидит – и потому получают они от него то деньгами, то продуктами только за то, чтобы не прекращался этот поток высочайшего уровня обеспечения в его, отдельно взятом, магазине. Понимаешь, на какой уровень

можно выйти, если прихватить за задницу этого торгаша? Сразу все проблемы решим – ты новое назначение получишь, а я оставляю за плечами коррупцию в высших эшелонах власти в стране. И тогда благодарный народ наши с тобой имена в историю золотыми буквами впишет. Понимаешь?

– Так точно.

– А тогда вопрос – что ты знаешь про этого самого Соколова?

– Да вроде человек положительный. Герой, войну прошел, лауреат премий и орденов, отличник торговли...

– И это мне говорит начальник управления КГБ! – всплеснул руками Андропов. – Да грош тебе цена, если ты только такой информацией обладаешь! Ты, начальник управления, как мог не заметить назначения на столь ответственный пост столь непроверенного и опасного для общества человека?! Этот твой Соколов, он ведь был судим. И мало того – по экономической статье. А это значит, что доверять ему высокую должность в снабжении уже было небезопасно. Да и моральный облик его оставляет желать лучшего. Я кое-что такое про него знаю, что в характеристиках не пишется. Он же с Ярославля? И я оттуда же.

– А что знаете, Юрий Владимирович?

– Это неважно. Важно, что ты дальше своего носа не глядишь. Проморгал?! Прошляпил, товарищ генерал?!

Алидин виновато опустил глаза.

– Ну не строй из себя девицу-то. Исправляй недочеты, выявляй системные ошибки и наверстывай упущенное. Понял?

– Так точно, Юрий Владимирович. Гастроном и всех его клиентов начнем разрабатывать с завтрашнего дня.

– Правильно. Только тихо. Если они узнают о наших с тобой планах раньше времени, не сносить нам головы. А главное – про директора не забывай.

– А что с ним? Получит за взятки свои 15 лет и...

– Нет! Неверно! Стратегически неверно! Здесь нужна публичная порка, чтоб другим неповадно было! Только расстрел!

– Но ведь за взятки по закону максимум 15 лет...

– Это уже твои проблемы. Найдешь судью, которого Комитет может прихватить за то же самое место, и прикажешь ему. Если сам не хочет к стенке встать, поставит за себя Соколова. Святых нету.

...Гастроном «Елисеевский» или, как он теперь назывался, «Гастроном №1» всегда был не только торговой, но и эстетической гордостью Москвы. Уникальная старинная архитектура начала XIX века; красивые витрины снаружи и не менее красивые витражи на внутренний двор, который, к слову сказать, тоже эффектно выстроен в виде катакомб, выполняющих функцию хранилища продуктов и складов; внутреннее убранство с колоннами, высокими потолками, холодным и темным винным залом и портретом основателя магазина – купца Елисеева – все это придавало месту особую магию, магнетизм, особую притягательность. В эпоху «застоя» и повсеместного отсутствия даже самых элементарных товаров народного потребления здешнее изобилие осетровых рыб, копченого мяса, икры, да и менее изысканных продуктов, казалось, не могло иметь места нигде, кроме как здесь – в этом здании, больше напоминающем какой-нибудь шикарный ресторан на далеком Монмартре. И даже когда путь покупателей лежал в подвал, где располагался стол заказов, все равно это было очень красиво и в какой-то мере романтично – подвал здесь тоже был еще николаевских времен, а потому спускаться в него было все одно что посещать какую-нибудь древнюю пещеру.

Многие не понимали и искренне завидовали директору гастронома, отличнику народной торговли Юрию Константиновичу Соколову, который всегда умудрялся достать заморские и отечественные деликатесы в таком количестве и накормить ими как простых людей,

так и кремлевских сановников – как у него это получалось? В то время, когда похожие, если не по архитектуре, то по статусу магазины прозябали и звенели гулким эхом с пустых полок в сторону сквозящего следами последнего покупателя выхода, магазин Соколова процветал, как верно подметил председатель КГБ, как в капстране – всемогущий Андропов знал, о чем говорил. Секрет у Соколова действительно имелся в заглавнике – неучтенные доходы он тратил на взятки. Не стоит пугаться столь громких слов – надо для начала понять, на что и кому она предназначалась.

А еще раньше – понять, из чего складывались неучтенные доходы. Лет 20 назад магазин попал под программу модернизации торговли. Тогда всем крупным гастрономам и универсамам выделили деньги на покупку нового торгового оборудования. Все это происходило на ниве хрущевской «оттепели», когда с высоких трибун кричали о послаблениях в жизни народной и о том, что все в стране должно быть для человека. Многие директора торговых управлений и магазинов тогда просто рассовали полученные на модернизацию из Госплана деньги по карманам и забыли про высокие лозунги, так же громко звучавшие в те времена, как быстро и сменявшиеся другими, еще более высокими и уходившими в небытие. Соколов поступил иначе – он на выделенные деньги закупил партию новых финских холодильников, которые почти исключали порчу и утрату товаров ввиду потери товарных свойств. В то же время, по всей Москве управлением торговли (торгом) для всех магазинов была установлена норма естественной убыли товаров к списанию в размере 20% от общего товарооборота магазина. Ну у других магазинов – понятно – чего только с товаром, особенно скоропортящимся не происходило. А у Соколова с его финским оборудованием убыль эта почти сравнялась с нулем. Норма убыли осталась. Тогда он решил ее списывать, а сэкономленные деньги... нет, не воровать, как остальные его коллеги в большинстве своем и по всему Союзу, а тратить на взятки начальству всех мастей... но не ради своего блага, а ради блага магазина и отоваривавшихся в нем граждан.

И в этом и был его секрет. Секрет, который не один десяток лет собирал внутри «Елисея» как небожителей, так и простых москвичей. И благодаря которому Соколов понимал, что проживает жизнь не зря.

В один из дней на пороге магазина появился его старый приятель, сын министра внутренних дел СССР Щелокова, Игорь.

– Я к тебе по делу...

– Заказ получил?

– Да, спасибо, но не по этому.

– А по какому? – напрягся Соколов. Он как будто предчувствовал нечто нехорошее, что должно было произойти.

– Отец послал передать – тобой и твоим магазином заинтересовалось московское управление КГБ. Причем не само по себе, а с подачи Андропова.

Соколов побелел:

– Вот те раз. А ему-то что надо?

– Уж не знаю, но говорят – взъелся он лично на тебя и очень основательно.

– Может, можно как-то по линии МВД..?

– Даже не заикайся об этом. Он сейчас набирает силу. Ильичу-то все хуже и хуже, он сдает позиции с каждым днем. А кому сдает? Ему и сдает. Под отца уже копают будь здоров – не приведи Бог, что с Леонидом Ильичом случится, не сносить и нам головы.

– А что посоветуешь делать?

– Попробуй поговорить с Гришиным. На худой конец – дуй в торг, к Трегубову. Напишешь по собственному, может, все и обойдется...

Соколов отлично понимал, о чем властным гневом говорит Игорь. Этот отвратительный во всех смыслах человек уже не раз появлялся на его жизненном пути и всегда все портил, пре-

вращал в прах, в пыль, в руины. А он потом снова и снова все восстанавливал. Восстанавливал и строил, как построил – если не в буквальном, то в переносном смысле – за последние 20 лет этот магазин, так поражающий своим великолепием и изобилием товаров, который теперь ему, судя по всему, предстояло навсегда оставить...

Ведь тогда, более 20 лет назад, когда он пришел сюда работать простым грузчиком, не было тут ничего, как и в других торговых точках страны. Товаров было мало и стоили они крайне дорого. И тогда у простого грузчика одна за другой стали появляться идеи того, как можно улучшить быт и этого прекрасного, с вековой историей, гастронома и советских людей, которые отовариваются тут каждый день...

Да, герой войны пришел сюда грузчиком. Конечно, быстро вырос до директора, но начал с самой маленькой должности в советской торговой иерархии. Почему так случилось? Виноват фатум. Тогда еще Андропов работал в аппарате ЦК и не имел таких полномочий, какие имеет теперь, так что эту неприятность, пожалуй, на его счет списать нельзя.

Тогда, сразу после войны, он работал таксистом в столичном таксопарке. Как-то вечером подсел к нему пассажир – помнится, проехать ему надо было два квартала, спешил очень к девушке на свидание. Копеечный счетчик, который тот мог намотать, не сулил таксисту никакой прибыли, но пассажир был навязчив – все же сунул тому в ладонь пятерку, не взяв сдачи. А счетчик просил не включать... Ну, что ж, подумал тогда Соколов, счастливый русский человек, в характере которого сорить деньгами под настроение, имеет право подарить таксисту вдали от посторонних глаз пять рублей на чай. Ан, не тут-то было. Когда приехали, к машине подошли еще двое в штатском – все, включая пассажира, оказались сотрудниками ОБХСС Нагатинского РОВД. Ну разве мог простой таксист, да еще и герой войны, ожидать такого подвоха в обстановке послевоенных лишений, когда люди старались помогать друг другу, а тем паче тем, кто имел на груди пару орденов или медалей?! А между тем, в этой стране во все времена *homo homini lupus est*. Провоз без счетчика считался хищением соцсобственности в не крупном размере, и потому тогда за эту глупейшую оплошность получил Соколов всего три года исправительно-трудовых лагерей...

Да, это случилось без участия Андропова. Однако, при его участии произошли за время отсидки определенные события в жизни Соколова, которые навсегда оставили след в его душе и его памяти.

В один из дней, после начала срока Соколова, узнав о случившемся с ним, Андропов, работавший тогда в ЦК, явился на квартиру к Ольге.

– Ты зачем пришел?

– Как ребенок? Растет? – робко бросая взгляд на детскую кроватку в углу комнаты, дежурно спросил гость.

– Твой ребенок, между прочим. Хоть бы об имени справился.

– К чему забивать голову? У меня сейчас и так проблем полно. Я пришел спросить, не надо ли чего. Слышал, что случилось с твоим мужем и решил вот зайти...

– А раньше ноги не несли? – Ольга пребывала в расстроенных чувствах после всего случившегося, и, хотя вины Андропова в аресте Юрки не было, не могла разговаривать с ним спокойно.

– Ну брось. Я ведь как человек пришел... Что ж, раз проблем нет, тогда просьба будет к тебе. Надо тебе уехать.

– Как? Куда?

– Назад в Ярославль.

– А Юра?

– Ему еще сидеть и сидеть, а здесь дело серьезное. Меня в МИД переводят, и твое пребывание в Москве портит мою репутацию. Про тебя... про нас с тобой уже узнали в ЦК, дурные разговоры пошли. Мол, имеет внебрачного ребенка, не помогает, алиментов не платит...

– Мне не нужны твои алименты...

– Да я понимаю, а товарищам по ЦК партии всего не объяснишь. И поэтому прошу – уезжай ты от греха подальше. Я вот тебе денег принес. Тут 500 рублей, – он положил на стол сверток. – Хватит и на билет, и на прожить первое время. А меня ты не обливай грязью, уезжай. А то знаешь...

Женщину в такой ситуации можно понять – от природы она слаба, и свалившееся на нее несчастье только подточило ее изнутри. А все же прав был классик. «Единожды солгав...»

Она уехала, забрала ребенка и не сообщила Юрке адреса. Потом вышла замуж и вообще исчезла из его поля зрения. И все же он не озлобился. Не стал черствым, не затаил в душе ненависть к людям – она бы помешала ему с таким рвением работать на благо людей на должности сначала грузчика, а после и директора одного из крупнейших гастрономов столицы. А вот Андропова все эти годы точило зло. Он, правда, не ведал, где теперь его заклятый враг, как у него все сложилось, но присущая ему от природы злоба то и дело вспыхивала в его душе по отношению к коллегам, подчиненным, начальству. Вспыхивала и сжигала его частями изнутри. Видя такую звериную злобу к людям с его стороны, Брежнев в 1967 году и принял решение назначить его председателем КГБ СССР. Только не думал он, что 15 лет спустя, когда силы начнут его оставлять, и он предаст его все с той же волчьей жестокостью. Что явится к нему после посещения «Елисеевского» и заведет такой разговор.

– Леонид Ильич, не хотел беспокоить вас по этому вопросу, но, как видно, никто, кроме вас, решить не может.

– Что случилось, Юра?

– Я по поводу Галины Леонидовны.

Откровенно экстравагантные, вызывающие и эскападные выходки дочери давно уже терзали сердце Генсека. Между тем, в ближнем кругу существовало негласное правило – не сообщать ему ничего о ее похождениях, чтобы не свести его в могилу раньше времени и всем дружно не потерять места в Политбюро, а читай, на Олимпе. Андропов сегодня решил правило нарушить – во-первых, теперь он озадачился физическим уничтожением давнего соперника, который уже не представлял для него ни опасностей, ни сложностей, но память о котором не давала мстительному чекисту спать по ночам. Во-вторых, сейчас, когда его позиции в борьбе за власть заметно усилились, ему даже выгодно было скорее избавиться от Брежнева – время шло, а он ведь тоже не молодеет день ото дня. А в-третьих, этот разговор и мог сам по себе настолько укрепить его власть и значимость, что вопрос о преемнике Генсека мог быть решен при жизни последнего в его, Андропова, пользу.

– Что она опять натворила?

– Да тут, наверное, это слово не применяется. Тут ситуация политическая возникла...

– ???

– Понимаете, она регулярно отоваривается в одном гастрономе, в «Елисеевском».

– А что с ним не так? Хороший магазин...

– Магазин-то хороший, да вот начальник его во взятках погряз. Раньше был судим за экономические преступления, а теперь и вовсе за счет взяток добывается продовольственного рая на полках своей вотчины. Раздает их едва ли не до самого верху, а взамен получает квоты на разный дефицит.

– А она тут причем? Она тоже, что ли, взятки берет?

– Ну что вы! Нет, она не берет, но в одном из частных разговор этот самый господин Соколов обмолвился, чуя, что все может в один прекрасный день накрыться, что в случае чего будет просить у нее протекции, она вам на ушко шепнет пару слов, и пойдет Андропов восwo-яси, не солоно хлебавши.

Брежнев задумался, внимательно глядя на собеседника:

– Как же ты допустил назначения судимого человека на такую должность?

– Это еще до меня было. Правда, Алидин за этот недосмотр от меня уже получил на орехи.

– Вы его в разработку взяли?

– В том-то и дело, что взяли. Он, видимо, что-то чувствует, потому и высказывается про Галину Леонидовну в таком ключе.

– Если чувствует, сбежать может...

– Не беспокойтесь, Леонид Ильич, не дадим. Только сами понимаете, что будет, если эти его разговоры выйдут за пределы «Елисея» и покатаются по всей Москве. Какой удар по вашему престижу и престижу партии!

– Ты что же, думаешь, что я за такого негодяя вступаться стану?

– Я-то так не думаю, но вы же знаете, как в Москве этот вопрос поставлен. Слово – не воробей... Ляпнет один какой-нибудь дурак, а потом отмывайся. Народ у нас, к сожалению, такие вещи на раз-два расхватывает – «застой» кругом, полки магазинов пустые, люди злые. Пойдут языками чесать...

– Верно, нельзя такого допустить. А как же заставить его молчать? На всякий роток не накинешь платок...

– А как в прежние времена заставляли?

Брежнев побелел.

– Не хочешь же ты сказать...

– Именно это и хочу сказать.

– А за что?! Хищения собственности есть?

– Пока не нашли, но есть взятки.

– Так за взятки, насколько я помню, к стенке не ставят!

– Поставим. Найдем судью, у которого рыло в пуху, прижмем и поставим – это дело техники, как говорится, наши проблемы. От вас нужно только добро. Сами понимаете, дело будет резонансное, может и мировое сообщество вмешаться. Такие вопросы без вашего участия мы решать не имеем права.

– Хорошо. Хорошо, что помнишь, кто в доме хозяин.

– Как можно, Леонид Ильич? Ну так как же?

– Ну, если по-другому никак, то действуй, конечно, что ж поделаешь. Уходить тоже надо красиво, сохраняя лицо, а не как Сталин или Хрущев. И, если иначе сохранить облик невозможно, то что ж, пожертвуем одним человеком ради блага многих. Ты же понимаешь, что мой позор – это и ваш позор тоже?

– Конечно, Леонид Ильич, потому и пришел.

– И с кадрами работу усиль. Тщательнее проверяй. Чтоб не было потом такого...

Захлопнулась дверь приемной за Андроповым, а 9 месяцев спустя захлопнулась дверь камеры смертников московского СИЗО №5 «Водник», где оборвался жизненный путь простого советского человека, так и не ставшего комсомольцем, но ставшего настоящим героем – как на войне, так и в миру – Юрия Константиновича Соколова.

Зима 1984 года, Москва

И опять машина товарища Андропова остановилась у «Елисея». И опять заполонили едва ли не всю улицу его охранники, и опять принялись расталкивать основную массу покупательно-способного населения. Правда, сегодня путь его лежал не в главный зал, а в стол заказов, где его уже ожидал пакетик со «спецнабжением» от главного столичного гастронома. Однако, и тут ему пришлось столкнуться с толпой. Главный силовик страны поморщился – никак нельзя такому человеку в очереди стоять. Ведь недаром он днем и ночью, не жалея сил, только и трудится, что на благо советских граждан, спасая их то от западной, то от гит-

леровской, то от коррупционной заразы. Только вот работа его «на первый взгляд как будто не видна» – иначе так рьяно посетители гастронома не боролись бы за свое место в очереди с его охранниками. Вгляделся Юрий Владимирович в толпу и увидел здесь много стариков в медалях и орденах – это были ветераны.

– Что такое? – спросил он у своего адъютанта Агеева.

– Ветераны, Юрий Владимирович. Они сегодня через стол заказы получают по карточкам.

Андропов понимающе склонил голову и хотел было вернуться в машину, чтобы подождать, но вдруг услышал истошный вопль одного из наиболее обвешанных железом стариков, который увидел лицо председателя Комитета и, несмотря на это, заслуг последнего не оценил, не желая уступать ему своего места.

– Ну и что, что Андропов?! А я ветеран! Я страну защищал, Победу делал, кровь проливал! Видали, какой иконостас? – горделиво потрясал орденами дед, а те отвечали в такт его речи мерным металлическим позвякиванием. – Даром, что ли, товарищ Жуков мне его лично на параде вешал? А вот и от Кагановича орден! И от товарища Сталина есть, только дома...

«Негоже этим кичиться, – подумал Андропов, слушая вопли ветерана. – Скромность украшает человека, а особенно такого заслуженного. Ведь не ради привилегий и орденов такие, как он, жизнь свою отдали. Не ради почета и славы пожертвовали самым дорогим, прошли горнило плена и концлагерей. За что? За тряпки да за еду из красивого магазина с витринами? Такая философия нас черт знает, куда заведет...»

Протиснувшись сквозь строй охранников, Андропов с доброжелательной улыбкой на лице – а как иначе говорить с ветераном? – подошел к митингующему.

– Что ж вы так кричите, товарищ?

Тот немного осел при виде самого Андропова, так близко подошедшего к нему и тем самым как бы обезоружившего:

– Да я, Юрий Владимирович... я ничего, только вот... чтобы по совести все, по закону... Без очереди-то оно того...

– А я только за закон! Все по закону должно быть! Отступлений ни для кого, никаких. Какие могут быть послабления? А что завтра? Сегодня мне лишнюю краюху, завтра тебе лишние сто тысяч из Госплана на дачку да обстановку, а послезавтра всю страну до нитки обдерут.

– Верно... – фоном мямлил ветеран, а Андропов меж тем разошелся так, что не слышал уже никого и ничего.

– А то иные тоже привыкли – повешают себе орденов, то ли заслуженных, то ли купленных, то ли ворованных, а потом поблажек требуют. В очереди пропусти, да банку икры уступи, да место дай поближе к сцене, да встань, если такой вот в трамвай вошел. А то и на шею сядут – украдут и плачут потом перед судьей: я, мол, Победу делал, так меня отпускай, ваша честь! А дудки! – председатель Комитета скрутил перед стариком две дули и сунул их ему под нос. – На-кося, выкуси! Закон для всех один! И в театре, и в трамвае, и в очереди всем стоять на общих основаниях, и сидеть ровно в той зоне и ровно столько лет, сколько кодекс тебе предначертал! Так будет всегда, коль Владимир Ильич такие основы общественной нравственности заложил и нам велел блюсти. И мы не позволим, чтобы всякие тут!.. Я вот и вовсе не служил, нигде не воевал, и что? А один – вот тут вот работал, – Андропов потряс рукой, протянутой в сторону главного входа в гастроном, – и тоже орденов имел не меньше твоего! Героем был! У Василевского служил! А проворовался – и шлепнули мы его. Подвели под закон – и шлепнули, зеленкой лоб намазали. И тебя шлепнем, если будешь вот так вот старостью да медалями спекулировать и порядки социалистические попираешь! Понял?! А теперь пошел вон!

В сердцах Юрий Владимирович схватил оторопевшего деда за шкурку и вышвырнул из очереди. Под звуки гробового молчания без всякой очереди прошествовал он в стол заказов, чтобы отовариться.

Слово атамана

1941 год, Париж

Старик встал из-за письменного стола и подошел к зеркалу. От длительной кропотливой работы устали глаза и совсем затекли руки, и дальше писать не было никакой возможности. Он положил на стол рядом с рукописью пенсне и, вышагивая по комнате, шаркающей походкой прошествовал к комоду. Взглянул на себя. Совсем старик. Правильно, а кому еще газеты поручают писать мемуары, ставшие столь популярными у читателей парижской «Дю Монд»? Не молодым же. Им теперь и вспомнить-то нечего, хотя тоже называют себя эмигрантами и приезжают из Советской России в большом количестве. Воспоминаний у них нет, потому что, во-первых, им стыдно – вчера принимали революцию, а сегодня вдруг оказались здесь как «идейно несогласные». А во-вторых, потому что на их долю не пришлось уже ничего интересного. Репрессии в Советской России – а разве при царе их не было? Нет, это не те эмигранты, которые увозили частички России в своем сердце, это просто беглецы. При царе точно так же ущемляли большевиков и народовольцев, и те бежали, что было сил, и жили здесь же на правах эмигрантов. А в Америку, например, едут беглые преступники со всего мира – так что же, им тоже присваивать высокое звание эмигранта? Нет, это просто беглецы. Они, как животные, как стадо, бегут от более злого чабана к более доброму. Потом надоест этот, стеганет сильнее положенного – так побегут к третьему.

Что до старика, то он действительно эмигрант. Он спасался с тонущего корабля, с погибающей Атлантиды, которая уходила под воду вместе с ним и такими, как он. Уехать он был действительно вынужден – и не из-за репрессий, которыми грозила ему новая власть; к репрессиям казаку не привыкать. А потому, что страна, в которой он родился и жил, умирала. Появлялась другая – темная, дикая, варварская, без законов и чести, без правил и понятий. Зачем и, главное, как в ней жить – он просто не знал. Потому и выбывал из игры, оставляя себе только багаж воспоминаний, теперь появляющийся то в виде популярных романов, то в виде документальных статей, который так нравились парижскому читателю.

Петр Краснов

Звали его Петр Николаевич Краснов. В прошлом генерал Императорской Армии и Атаман Всевеликого Войска Донского, сейчас он тихо и скромно жил в эмиграции, щедро тратя и даря всем желающим то самое свое единственное богатство, которое увез из России – свои мысли и свою жизнь. Тяга к литературе проявилась у него еще в юношестве – кто мог знать,

что для профессионального военного, генерала с блестящей карьерой и как нельзя лучше подходящими корнями однажды она станет единственным источником к существованию?! Вот уж ирония судьбы, а однако, ничего не поделаешь. Да и чего горевать – горюют пусть те, чьи воспоминания дурны и некрасивы, а красоте случившегося с ним можно только позавидовать.

Отгнав от себя таким образом дурные мысли о старости, он лихо – как в прежние времена – закрутил усы и направился уже обратно за письменный стол, как вдруг в дверь постучали. Почтальон принес телеграмму. В ней кто-то из старых эмигрантов первой волны сообщал Петру Николаевичу, что Гитлер начал войну с СССР.

В невероятном нервном возбуждении и воодушевлении атаман вернулся за стол и смял набросок статьи, над которой корпел с самого утра. На чистом листе стал он быстро писать новый текст, который считал более важным и актуальным в свете сложившейся ситуации. Вот – одна за другой стали появляться слова для новой статьи... Теперь – он это чувствует – жизнь его сильно изменится. Она никогда больше не будет прежней. Он рад этому – слишком долго он затухал в маленькой парижской квартирке. Он заслужил эту перемену и потому такими жесткими и яростными словами пишет о ней:

«Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 г.»³

1943 год, Берлин

Война разворачивалась на восточном направлении стремительно. Западные наблюдатели готовились к падению крупнейшего бастиона на территории Европы на протяжении уже многих веков. То, что не удавалось Наполеону, Бисмарку и кайзеру Вильгельму, не сегодня – завтра могло получиться у Гитлера. Первые недели войны отступление советских войск было перманентным. Сказывалось все – неготовность страны к войне, вызванная заключением предательских соглашений о разделе Европы между Гитлером и Сталиным; кадровые чистки и репрессии в высшем командном составе РККА накануне начала боевых действий; общая расхлябанность и недисциплинированность, вызывающие шок у педантичных немцев; и главное – позиция командования. Сталин заперся на ближней даче в Кунцево и никого не принимал – к войне он явно был не готов, а показать свою слабость боялся. В такой обстановке Ставка и отдельные военачальники не могли скоординировать свои действия. За время, отведенное им на принятие решений, регулярные части оставляли город за городом, а неприятель продвигался вглубь страны все дальше.

Гитлер планировал отвести на прохождение до Москвы несколько недель, но погорячился. Однако же, уже к зиме 1941 года немецкие войска стояли под Москвой. Небольшое сражение у Волоколамского шоссе заставило немцев задуматься – если 28 героев-защитников подступов к столице ведут себя так отчаянно, то что же будет, подойди они ближе? Дополнительным актом деморализации войск фюрера стало проведение 7 ноября 1941 года парада на Красной площади, прямо с которого армия отправлялась к линии фронта, пролежавшей уже совсем недалеко под Москвой. И эта, уже сталинская, хитрость возымела определенное действие – враг был обескуражен, что позволило отбить столицу от его массовой атаки.

Потом был Курск, существенно изменивший ход войны, и, конечно же, Сталинград. Говорить о проигрыше или о радикальном отступлении по всем фронтам, конечно, было рано. Но уже тогда фюрер задумался о привлечении дополнительных сил, которых вермахту, явно изнуренному тяжелыми зимними сражениями, явно не хватало. Забирать войска с оккупиро-

³ К. Ерофеев «Не отмоешь добела...» – Газета «Дуэль» N 8 (557) от 19 февраля 2008 г.

ванных территорий в Европе и направлять их на фронт значило бы в глазах европейцев сигнал о бедствии. Могли начаться выступления сил Сопротивления – в этом Гитлер убедился после убийства в 1942 году бывшего руководителя СД, а ныне протектора Чехословакии (Богемии и Моравии) Гейдриха. В 1943 году последовало покушение на гауляйтера Украины Коха. Все это говорило о том, что, убери он сейчас хотя бы часть войск с территорий протекторатов и гау, завтра заполыхает вся Европа, и тогда придется либо пересматривать итоги трехлетней войны, либо вообще сдавать позиции. Жизненно необходима была свежая кровь...

– Лучше всего, – сказал в эти дни фюрер своему литературному секретарю Генри Пиккеру, – разложить Россию и ее сопротивление изнутри. Отыскать в ней внутреннего врага и вступить с ним в коалицию.

– Не думаю, что для этого надо ходить так далеко, – отвечал Пиккер. – Я, как писатель, знаю в Париже одного человека, который не только русский по национальности, но и согласится воевать против Советов с оружием в руках. Согласится сам и соберет нужное нам войско. Только надо его убедить...

– Кто он такой?

– Бывший царский генерал, Петр Краснов.

– А причем тут литература?

– Он неплохой писатель и давно стоит на нашей стороне. Пригодится и как военачальник, и как агитатор. Практически бесценный человек. Вот только как уговорить...

– Если он бывший генерал, значит, принимал участие в войне 1914 года, так?

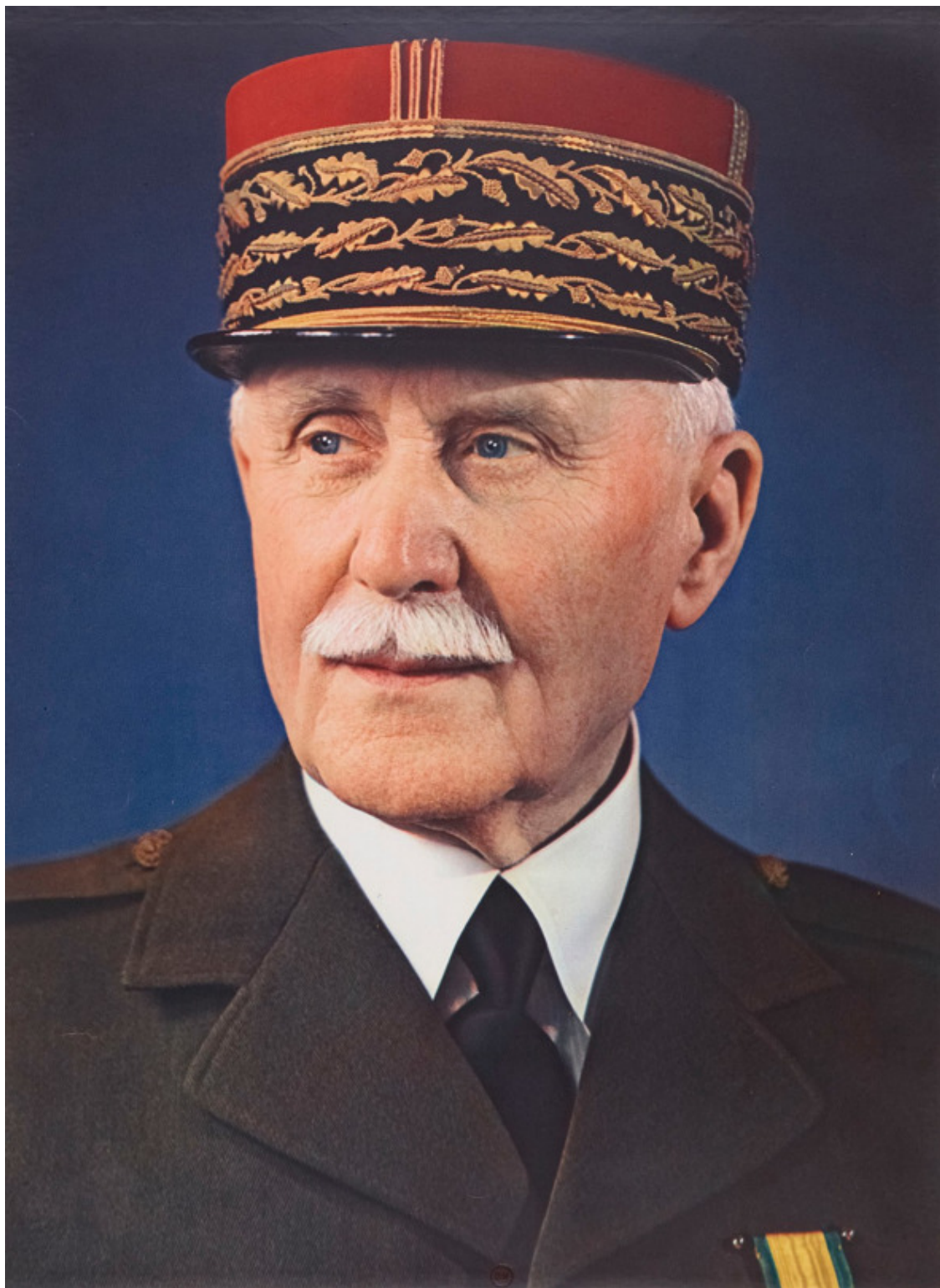
– Так, мой фюрер.

– И живет в Париже, где проживает другой герой той же войны. Думаю, они сумеют договориться между собой.

Париж, неделю спустя

Маршал Анри Петен был таким же героем Великой Войны, как и генерал Краснов, и потому рассчитывал на то, что найти общий язык со своим русскоязычным коллегой ему удастся сравнительно легко. Ныне он был формальным главой французского государства – Четвертой республики – при протекторате гитлеровцев, к которым Краснов спервоначалу отнесся положительно. Теперь перед маршалом стояла задача своим авторитетом повлиять на атамана и окончательно перетянуть его на сторону вермахта. Если говорить поверхностно, Петр Николаевич был бы не против такого предложения. Но никто не мог ручаться за реакцию генерала, которая могла наступить, раскройся перед ним суть вопроса подробнее. Сегодня это и предстояло узнать Анри Филиппу Петену.

– Месье генерал, – заговорил он, когда Краснов вошел в его кабинет и уселся за кофейный стол, – как вы относитесь к начавшейся экспансии Гитлера в Советский Союз?

Анри Филипп Петен

– Исторически хорошо. Большевизм – это невероятная беда для России, и его необходимо уничтожить. Сами мы не смогли этого сделать в свое время, и теперь историческая задача Гитлера – сделать это за нас. Не только в российской, но и в мировой истории нередки случаи, когда дружественная интервенция оказывает положительное влияние на ее ход...

– А что, если бы вам сейчас предложили поучаствовать в ней?

– Это как? Вернуться на родину? – округлил глаза Краснов. – И в каком же качестве?

– В присущем вам с молодых лет. В качестве военачальника и атамана казачьих войск.
– И на чьей же стороне я буду воевать? Как патриот России, я должен буду встать на сторону Советской власти, но это...

– Вам официально предлагается стать на сторону гитлеровской Германии. Вы же только что заявили о положительном влиянии интервенции. Так почему бы не помочь интервентам?

– Интервентам не помогают. Иное дело, что после успешного завершения интервенции установленная с ее помощью власть вновь принимает бразды правления над страной.

– Но почему?

– Принципы патриотизма, изволите ли видеть. Я вел Гражданскую войну против своих земляков, это да. Но после того, как покинул территорию страны, принял и признал поражение. На этом война закончилась раз и навсегда. Коль скоро я называю себя патриотом, то не имею права в одностороннем порядке развязать ее снова. Это будет значить с моей стороны предательство – я начну воевать с гражданами своей страны только потому, что они мне не нравятся и я не согласен с государственной политикой. Войну государственной политике я объявлю не стране в лице Сталина, а стране в лице ее народа, который Сталина демократически не выбирал. При этом это будут даже не те люди, с которыми я воевал двадцать лет назад, а их потомки, которые могут не помнить и не осознавать наших противоречий с их родителями. Справедливо ли и правильно ли это будет?

– Говоря такое, вы ставите меня как бы в противовес себе. По-вашему, я не патриот и предатель?

– Если вам угодно, то да. Хотя бы потому, что вы были слугой вчерашнего режима, не состояли в оппозиции к нему и – более того – дослужились до маршала. Это ведь не Гитлер присвоил вам это звание?

– Но ведь режим был преступный, антинародный...

– А до Гитлера вы этого не видели?

– Видите ли... – Петен настроился на продолжение длинной и интересной дискуссии, но Краснов разрушил его планы:

– Если у вас ко мне все, то честь имею. Я сейчас очень занят литературой, и не располагаю достаточным временем.

– Последнее, с вашего позволения. Я хочу, чтобы вы понимали, что мои слова – есть выражение воли и пожеланий немецкого командования. Мне надлежит им передать, что вы ответили на их предложение отказом?

– Да, месье. Всего доброго.

С бывшим полковником своей контрразведки Сергеем Павловым Краснов в Париже встретился случайно. Оба знали, что живут в одном городе, но последние 20 лет встреч не искали – чего старое ворошить? Только сердце бередить... Однако же, случайная встреча в кафе на Монмартре немало порадовала успевших соскучиться друг по другу сослуживцев. Краснов поспешил поделиться сутью сделанного предложения со старым боевым товарищем.

– Как по мне, так надо соглашаться, Ваше Высокоблагородие.

– Первым объявить войну Советам?

– А они вам, хотите сказать, войны не объявляли? Плечом к плечу с вами мы воевали с кем-то другим? С немцами, может?

– Та война, Серж, давно кончилась. Стороны взяли на себя обязательства – мы ушли из России, а большевики сохранили жизнь тем из нас, кто остался и дал обещание не воевать против Советской власти. Отклонение от этого будет рассматриваться как война без повода, не так ли?

– Большевики, да сдержать обещание?! – всплеснул руками Павлов. – Э нет, милостивый государь, это не про них. Все до единого солдаты, которым Фрунзе обещал освобождение, были уничтожены вместе с членами их семей...

– Как?! Но ведь Фрунзе сам вроде раньше служил в Императорской Армии, потому Врангель и поверил ему... Чтобы он так легко бросался словами...

– С формальной точки зрения, Фрунзе чист. Сразу после сдачи наших частей в плен в Крыму появился особый отдел ЧК во главе с такими господами как беглый каторжник, венгр Бела Кун и его подруга, жидовка Розалия Залкинд – они звали ее Роза Землячка. Их послал лично Ленин, и Фрунзе никоим образом не мог бы на него повлиять, даже если бы очень захотел. Так вот эти-то господа всех и перерезали...

– Расстреляли, ты хочешь сказать?

– Ничуть. Землячка объявила, что пули на них переводить жалко, потому для казней был избран чудовищный способ, уступающий инквизиторским. Всех солдат и офицеров с членами семей сначала раздевали догола, потом особо отъявленные чекисты или добровольцы из числа местных жителей отрубали им руки, ноги, отрезали веки, губы и уши, и только потом вот такой вот живой обрубок – еще живой, подчеркиваю – бросали на корм рыбам...

– Что ты такое говоришь?! Начитался немецких пропагандистских листовок?

– Опять же нет, Ваше Высокоблагородие. Почитайте архивные записки князя Мельгунова, а также материалы комиссии по расследованию злодеяний большевиков, материалы комиссии Соколова. И сами все поймете. А после поговорите с местными эмигрантами – им удалось хоть раз связаться хоть с одним солдатом армии, воевавшим тогда на Перекопе или вблизи его? Сопоставьте факты, и поверите мне.

Краснов обомлел.

– Послушай, но ведь гарантия безопасности от большевиков была...

– Да бросьте вы, Петр Николаевич. Оголтелые варвары, озверевшие биндюжники, изверги рода человеческого...

– Да я не об этом. Врангель, когда обращался к солдатам перед эмиграцией, сам, по сути, упросил их остаться и своим словом генерала обещал исполнение всех обещаний. На нем, а значит, на нас на всех лежит солидарная с большевиками ответственность за эти бесчинства...

– Хорошо, что вы это понимаете, Петр Николаевич. Но боюсь, что вы один...

– Мы обязаны загладить вину перед ними...

– А как?

– Я не знаю, но...

– Вы не знаете?! Вы, который всегда связывали восхождение Гитлера со спасением России, который в 1939 году написали прекрасный роман «Ложь» обо всем, что происходит в Советском Союзе, и не знаете?!

– Да пойми ты, – отнекивался генерал, – что я не могу воевать с людьми своей страны. Не могу идти на них с открытым забралом. Я проиграл еще в 20-м, а тех, за кого и с кем плечом к плечу я воевал, уже нет физически. Нравится мне это или нет, Россия уже другая, и населена совсем другим народом. И что же, я, патриот, пойду топить любимую Россию, населенную потомками тех, с кем я воевал, которые меня уж не помнят и потому не разделяют понятий о моей вине, в крови? Как-то это, воля ваша...

– Вы неправы. Надежда есть всегда. Ну не может такая огромная страна целиком состоять из негодяев, хотя бы 10 процентов есть тех, кого не добились большевики в Гражданскую и после нее и которые в душе за веру, царя и Отечество! Вот ради них вы и должны принять это судьбоносное для себя и всего казачества решение. Только вы сейчас сможете это сделать... Одно ваше слово имеет значение, вы ведь атаман!

По возвращении домой, Краснов погрузился в обдумывание.

«Да, дилемма, – рассуждал мысленно атаман. – Конечно, как патриот своей страны я должен смириться в власть большевиков и любой другой партии, которая руководит моей страной. Принять не могу эту политику, так то другое дело. Собирайся и уезжай, что ты и сделал. Но изменять принципу «За веру, царя и Отечество» казак и генерал Императорской армии не должен ни при каких обстоятельствах! Царя нет, ну что же. А как же Отечество? Но, с другой стороны, я узнаю о фактах, которые, пусть 20 лет спустя, но все же подрывают любовь к тому Отечеству, что населено потомками вот тех. Тех, что крошили остатки наших войск Южного фронта. Нет у нас с ними общего Отечества, и назвать их своими земляками не поворачивается у меня язык. Если 20 лет назад так поступили их отцы, значит, и они поступят сегодня точно так же... Да, я слышал о расстреле в Катыни. Но, коль скоро этот факт тогда не касался ни меня, ни всего оставшегося за границами сталинско-гитлеровского пакта человечества, я его проигнорировал. А что я вижу сейчас? Что если завтра произойдет перелом в ходе войны, то весь мир окажется под пятой саранчи, коей власть будет дана такая, какую имеют скорпионы... И последуют за этим даже не два горя, а сотни и тысячи несчастий, причастным к которым я буду до конца дней своих.

Сегодня – так уж случилось – мое Отечество здесь. Иное, как утверждает Павлов, давно умерло, и сожалеть о нем – дело пустое. А вот вера осталась в душе. Есть заповеди Моисея, есть Евангелия и Заветы. И они никак не позволяют отдать на съедение обезумевшему племени, исходящему из Содомы и Гоморры, весь цивилизованный мир. Не ради себя и даже не ради России, от которой осталось несколько десятков человек, должен я снова взять в руки оружие. А ради всего мира объявить новый – последний в своей жизни – крестовый поход. Ведь казаки – народ богоизбранный, и сила ему дана куда большая, чем хорошо обученному и подготовленному вермахту. Кто они? Язычники, верящие в богов, которых Гиммлер штампует в своем «Аненербе» как пропагандистские листовки. Да еще машины для ведения боевых действий. Но, что бы они ни писали на своих знаменах, Бог не с ними. Он с нами. Решено».

Краснов подошел к телефону и позвонил в приемную Петена. На счастье, маршал оказался в кабинете – старик, которому стукнуло почти 90 лет, редко выходил из своего логова куда-то, за исключением приездов немецких чиновников, командования и праздничных мероприятий.

– Маршал, говорит генерал Краснов.

– А, это вы, – с чувством явного неудовольствия ответил марионеточный президент Франции. – Что вам еще угодно?

– Я изменил свое решение. Сообщите в Берлин, что я согласен...

1943 год, Новочеркасск

Ровными рядами казачьего строя стояли вчерашние станичники и их дети на плацу вблизи горвоенкомата Новочеркасска. Не такой большой была эта армия, но блеск их глаз – как отражение их душ – вселял в любого, кто созерцал их сейчас, чувство уверенности и надежности. С такими бойцами, верил Краснов, действительно можно победить в войне.

Встав перед строем, атаман заговорил негромко, но четко и уверенно:

– Братья казаки! Прошло 20 лет с того дня, как оставили мы родную землю на поругание большевистской заразе. Думается мне, что пришло время возвратиться с оружием в руках, чтобы утвердить себя на земле, которая принадлежала нам на законных основаниях четыре века подряд. Что же заставило меня так думать? Нет, не только немецкое вторжение в Советский Союз, но и та несправедливость, которая была учинена с оставшимися в России после 1920 года солдатами Императорской Армии. Первое время, когда только получил я предложение от гитлеровского командования возглавить Имперское управление казачьих войск, стал я перед дилеммой: как казак хочу вернуться на родину и отвоевать свое, как патриот – не имею

права. Проиграл войну, так с этим надо смириться. Россия, думал я, это уже не мы, это они, и вторжение нас, граждан Франции и Германии, на территорию России иначе, чем захватническим не назовешь. Нравится нам тамошняя власть или нет – нас это уже не касается. И только недавно узнал я от полковника Павлова о том, что власть эта истинно варварская, по отношению к которой никакие принципы не могут соблюдаться. Почему? Потому что она сама не соблюдает ни единого принципа как морального, так и правового, не держит ни единого обещания. Знаете ли вы, как поступили большевики с оставшимися в Крыму солдатами Врангеля, которым он – с подачи негодяя Фрунзе – гарантировал жизнь?!

– Убили, – слышалось из строя.

– Да, но как?! Их разрубали на части и живых еще бросали на корм рыбам. Наплевали они и на Врангеля, и на Фрунзе. Им крови подавай! А прикрытием для Лиги Наций называли формальность – жизнь обещал солдат Фрунзе, а приказал стрелять чекист Троцкий. Так не иезуитство ли все это? А что на деле? А на деле – если есть русский народ, то осталось его совсем мало, и он будет переходить на нашу сторону везде, где бы мы ни появлялись. Значит, дело для него мы сделаем благое, и потому возвращаться надо, пусть даже и под гитлеровскими знаменами. А если нет его, если остались только вот эти вот бессовестные комиссары, то кончать с ними надо нещадно – нечего нелюдям на нашей земле делать! Пусть вернут чужое! В таком случае и подавно никакого греха на себя не возьмем, ибо нет греха в убийстве мерзавца, который не только выжил тебя из дома, но еще и брата твоего, оставленного на улице, убил!

Казаки верили атаману, но все же задумались. Посоветовавшись, выдвинули вперед сотника – представителя.

– Дозвольте спросить, Ваше Высокоблагородие? Правильно ли мы поняли, что выступать вы нам предлагаете под флагом Германии?

– Так.

– Значит, делить нам теперь нашу землю с солдатами вермахта, с которыми будем воевать плечом к плечу?

– Это не так. Согласно договоренности, достигнутой с фюрером, все исконно казачьи земли будут возвращены казакам на условиях вольницы Войска Донского, какая была еще при Государе Императоре. Гауляйтеров и надсмотрщиков над вам не будет. Причем командованию вермахта не впервые устраивать такие самоуправления на территории России. Кто из вас слышал про Локоть? Это местечко такое вблизи Брянска. Так вот там, на освобожденных от большевиков территориях, командование сделало самое настоящее самоуправление – люди там сами выбирают себе предводителя и живут как самостийная держава. Налоги не высоки, реквизируемые у помещиков земли возвращены им, торговля с рейхом ведется как с отдельным государством, все полученные деньги поступают людям в личное пользование. Полная свобода торговли и равенство во владении землей. И заметьте – никаких гауляйтеров и надзирателей! Вот так смотрит Гитлер на наше светлое будущее и так же предстоит смотреть и вам, мои верные казачки! Во исполнение данных обещаний даю вам свое атаманское слово!

Подумали они и сказали:

– Ну ежели под вашим командованием, Ваше Высокоблагородие, то мы хоть с самим чертом на край света согласные! Любо!

И всколыхнулось по рядам звонкое, раскатистое «Любо!», и расцвел душой – впервые за 20 лет – атаман, готовый к возвращению на круги своя и к новым боевым задачам во имя России. Слово атамана было весомее пуда золота. Вот только не знал он еще, что вопрос командующего всеми русскими войсками пока стоит перед Гитлером остро.

К тому моменту, как атаман Краснов принял судьбоносное для себя и для истории решение, в распоряжении немцев имелся еще один субъект, который недурно подходил на роль внутреннего врага – сдавшийся в плен вместе со своими бойцами командующий 2 ударной армией генерал-лейтенант Андрей Власов. Все знали, что он выражает свою преданность Гитлеру, но мало кто знал, что спустя неделю после пленения остатков 2 ударной армии во главе с ее командующим в Москве прошло секретное совещание Сталина с руководителем внешней разведки Меркуловым.

– Товарищ Сталин, разрешите доложить, – рапортовал главный разведчик страны. – Согласно ранее разработанному плану, наш человек внедрился в штаб вермахта. Как вам известно, неделю назад 2 ударная армия во главе с генералом Власовым попала в плен к немцам. Ему как человеку в столь высоком звании, сразу предложено было командованием вермахта перейти на сторону неприятеля. Он согласился.

Сталин бросил на докладчика суровый и тяжелый взгляд.

– И что дальше?

– Как, товарищ Сталин? Вы не поняли? – недоуменно поглядел на хозяина Меркулов. – Наш разведчик, товарищ Власов успешно внедрился в штаб гитлеровцев.

– Это я понял. Я спрашиваю, что из того, что они предложили ему перейти на их сторону? Нашим разведчикам, как скрытым, так и выявленным СС, ежедневно предлагают перейти на сторону врага. Что дальше-то? Ну перейдет он один на их сторону и что из этого?

– Как – что? Будет добывать секретные сведения, осуществлять диверсии.

– Такие они дураки, что позволили бы вчерашнему советскому генералу быть причастным к святой святынь! Ничего он один не сможет. Вот если бы он убедил их принять на свою сторону всю ударную армию и вообще всех советских военнопленных, создав из их числа специальное воинское формирование вермахта – вот это было бы дело. Тогда они обязаны были бы с ним считаться и посвящать в планы секретных операций. Тогда бы он занял в их военной иерархии определенную, не самую маленькую роль. Понимаете, о чем я говорю, Всеволод Николаевич?

– Так точно, товарищ Сталин. Понимаю и крайне поражен и воодушевлен вашей мудростью. Вы... вы прямо вдаль смотрите. Мы сегодня же отправим ему соответствующее задание.

– Погодите. Этого мало. Предположим, он убедит Гитлера создать такое формирование. Но кто к нему туда пойдет? Наша армия – самая патриотичная и преданная партии и правительству. В большинстве своем они могут плюнуть ему в рожу, и будут правы. И начинание провалится. Как и он сам.

– А что же делать, товарищ Сталин?

– Все же пусть ведет эту работу. Во-первых, кто-то да согласится. Лично я не верю в то, что такое воинское формирование будет создано и укомплектовано. Но найдутся охотники. Их возьмем на карандаш и уничтожим при первой возможности. И всех членов семей, которые остались у нас, здесь. А во-вторых, это позволит ему близко соприкоснуться с другими врагами Советской власти, вставшими на сторону Гитлера...

– О ком вы говорите, товарищ Сталин?

– Вам известно, что бывшие казацкие генералы царской армии – Краснов, Шкуро, Доманов, Султан-Гирей Клыч, Семенов – перешли на сторону врага и из числа бывших эмигрантов формируют реальные и действующие воинские подразделения, которые войдут в состав вермахта и станут мощной боевой силой?

– Известно, но причем тут Власов?

– Пусть вотрется к Краснову в доверие. Попытается во всяком случае. На той волне, что, дескать, русские объединяются против Сталина за линией фронта. И попытается через него ближе подойти к командованию вермахта. Пусть казаки войдут в формируемые им части. Генералы те уже старые, ничего не могут и не понимают. А он все-таки действующий боевой

офицер высшего ранга – кому же командовать, если не ему? Если даже не получится, то близость к Краснову так или иначе прибавит ему веса в глазах гитлеровцев. А если получится, пусть ведет разложенческую работу среди этого нового формирования...

– Это как?

– А так. Казаки и солдаты РККА, пусть даже бывшие – не попутчики, а кровные враги. Если удастся их рассорить, то полетят клочки по закоулочкам и от 2 ударной армии, и от Краснова. А что в условиях войны выгоднее, чем склоки у неприятеля?

– Вы гений, товарищ Сталин.

– Знаю. Иди и работай.

1943 год, Винница

Власов стоял перед измученным строем пленных солдат и горланил:

– Товарищи солдаты и офицеры! Сегодня вы оказались в плену у тех, против кого вчера сражались с оружием в руках. Я разделил вашу участь. Я, генерал. Чему учила вас партия? Каков долг солдата, плененного неприятелем? Правильно, бежать из плена. Но практически никто не знает, какой долг лежит в эти суровые дни на партии и на верховном главнокомандовании. Они должны – как учили нас на высших партийных курсах – прилагать все усилия к тому, чтобы освободить нас из плена. А что делают они в это время? Я понимаю, фронт нынче полыхает, есть задачи и поважнее нашего с вами освобождения. Потому в решение нашей судьбы включился Красный Крест. Они предложили лично Сталину обменять нас на пленных немцев, который в настоящее время содержатся в лагерях Советского Союза. Он отказался. Он, товарищи, предал нас всех. Спрашивается, для чего нужны ему эти немцы, о которых фюрер, скорее всего, уже и забыл? Уж не для потехи ли собственной гордости и не для того ли, чтобы обменять на кого-нибудь более серьезного и важного, кто может попасть еще в плен? Мы для него – всего лишь пыль, клубящаяся из-под фронтовых сапог, на которую не следует тратить много времени. Что ж, он руководитель государства и ему, конечно же, виднее. Но как быть с другой просьбой Красного Креста? Когда он отказался, они попросили предоставить им доступ к пленным немцам, чтобы сообщить немецкому командованию об их состоянии здоровья и условиях содержания, которые, как вы понимаете, должны соответствовать определенным международным нормам. Когда вы сюда приехали, вас всех осматривали врачи, не так ли? А для чего? Чтобы сообщить в центр, что вы живы, здоровы и с вами обращаются надлежащим образом. Они и сообщили, потребовав того же от Сталина. Он отказал.

Андрей Власов

– Ну и что? – донеслось из толпы. – Нам-то что до них?

– Ничего. Но вы должны понимать, что тем самым он разорвал все отношения с Красным Крестом. Значит, больше никто не придет нас сюда проводить, никто не справится о нашем состоянии и как пленные мы де-факт Гитлеру больше не нужны. Зачем держат пленных? Чтобы обменять. Вы простые солдаты, никаких секретных сведений вы дать вермахту не можете. Значит, нужны для обмена. А если сама идея обмена отвергнута Сталиным на международном уровне? Если он отказался вести любые переговоры с Красным Крестом, то что это значит?

Что завтра всех вас могут расстрелять. В такой ситуации выход я вижу только один. Немецкое командование и лично господин Гитлер предлагают вам сотрудничество. Переходите на сторону освободительных войск вермахта – и не только будете помилованы, но победителями вернетесь в родную страну, которая завтра сбросит с себя пятно коммунизма и свободно задышит под немецким протекторатом...

– Вступить в немецкую регулярную армию? Товарищ генерал, что вы такое говорите?

– Нет, мы образуем самостоятельные русские части под моим командованием. Назовем их РОА – «Российская освободительная армия». И пусть весь мир видит, что Россия и Сталин – две вещи несовместные.

– ...Боже, какая чушь! – всплеснул руками Краснов, когда прочел листовку Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?»⁴ и услышал от него содержание его речи. – Неужели вы считаете, что воспитанные Советской властью солдаты, которые на Сталина молились и с его именем на устах шли на смерть, сегодня вдруг повернут штыки против него?

– Но ведь не вы один понимаете, что Сталин – сумасшедший тиран, который и страну, и народ ведет в пучину! – парировал Власов.

– Может быть, еще кто понимает. Но, во всяком случае, не они. Они ему все на свете простить готовы! Он их родителей к стенке ставил, а они его славили. Не за страх, а за совесть! Им нравится, когда их бьют – так преобразился народ России за последние 20 лет. А вы к разуму надумали взывать! Что с вами?

– Не знаю, – лукаво улыбнулся Власов. – А только половина из всех пленных такое желание изъявили и записались в РОА добровольцами.

– Да ну?!

– Вот список, – Власов положил на стол бумагу, испещренную подписями. Краснов с восхищением стал вчитываться в нее.

– Вы кудесник, Андрей Андреевич. Как вам это удалось?! Наши эмигранты в невероятно большой массе отказываются. А они люди неглупые, современные, образованные. Здесь же крестьяне, сброд, а посмотрите-ка...

– Говорю вам, нам надо объединяться. Вместе мы, истинные патриоты России, сможем уничтожить большевистскую гидру.

Краснов смотрел на Власова с недоверием. И был прав – он не рассказал ему, что первоначально действительно все его слушатели пошли в отказ от сотрудничества с немцами. Решения стали менять после того, как Власов начал демонстрировать им поддельные вермахтом справки о расстреле их родных и близких, оставшихся в СССР. Он пошел на подлость, исполняя свои обязанности разведчика. Краснову было тяжелее – он работал честно и открыто, воюя, что называется, «с открытым забралом», из чего следовало, что численность его «Казачьего стана» будет меньше численности РОА. Как и то, что Гитлер, сам того не ведая, пойдет на поводу у Сталина и опыту Краснова предпочтет молодость Власова, которому будет поручено командовать всеми русскоязычными войсками в рейхе. И это будет его роковой ошибкой...

Генерал Андрей Власов был человеком неприятным как внешне, так и внутренне. Его Краснов относил к той самой категории беглецов, которые бегут от той власти, что еще вчера им нравилась и ими легитимировалась. Вынужденный беженец Краснов, спасшийся с тону-

⁴ Власов А. А. Почему я стал на путь борьбы с большевизмом. Russia Abroad (3 марта 1943).

щего борта, еще вчера называвшегося Россией, с коим утонули все его идеалы и мечты о настоящем государстве и светлом будущем, не шел ни в какое сравнение с Власовым, который убежал от гнева своего вчерашнего благодетеля Сталина (к слову сказать, действительно осыпавшего его милостями в отсутствие сколько-нибудь заметных побед в войне), который мог – не снизошел, а только мог – снизить на него по причине нахождения на оккупированной территории. Петр Николаевич не мог себе представить, чтобы он совершил какое-нибудь преступление против царя и от царя же сбежал. Виноват – покайся, повинную голову меч не сечет, да и потом получать наказание из рук царя это сродни желанию гадкого утенка из сказки Андерсена: погибнуть от рук величавой красоты лебедей. Нашкодивший же отпрыск Сталина боялся его больше, чем Гитлера – и тем самым у патологически храброго Краснова вызывал отвращение. Как и все эмигранты второй и третьей волн, он был неразборчив в выборе царя, подобно арапу из знаменитого сказа Пушкина, напоминал человека без роду, без племени. А этот его страх перед Сталиным, выражающийся в вечно трясущихся руках, запахе алкоголя и бормотании о том, что «он безумный тиран» добавлял негатива со стороны атамана.

– Неужто вы говорите, что он и вправду безумен, и оттого так опасен? – спрашивал Петр Николаевич.

– Говорю вам, он сумасшедший, – с пеной у рта начинал доказывать Власов. – Он может встать не с той ноги, увидеть ночью дурной сон – и потребовать казни своего ближайшего товарища и друга просто поэтому. Он может, в пьяном бреду, увидеть какую-нибудь галлюцинацию с участием своего подчиненного – и вот, его уже не оставляет параноидальная мысль о том, что он готовит против него заговор. А посему – голова с плеч...

Краснов морщился:

– Послушать вас, так это дракон о трех головах, страшный в своем всевластии. А как посмотреть на правду – так и отступления случались, и ошибки в командовании, и временами полное отсутствие авторитета среди подчиненных.

Власов развел руками.

– Но меня в действительности интересует другое, – продолжал атаман. – Что же должен быть за народ, которым управляет такой безумец?

– Такой и народ. Каждый народ имеет того правителя, которого заслуживает, не так ли?

– Так, но ведь это – русский народ. Вы и я, мы оба русские, и потому нам горько осознавать, что народ сошел с ума. Может быть, все-таки вы пристрастны к Сталину, и потому заблуждаетесь в его отношении?

– Ах, Петр Николаевич, Петр Николаевич, – пьяно вздыхал Власов. Он вообще почти всегда был или пьян мертвецки или с похмелья. – Вы слишком давно не были в России, люди-то теперь не те. Не те, которых вы оставили, в начале 20-х покидая Родину. Иных уж нет, а те далече. А нынешние – тьма кромешная...

Патриот Краснов не верил Власову. Только человек, не любящий Россию, считал он, может такое заявлять. А зачем такому человеку вообще давать оружие? Сегодня против Сталина, завтра против царя. Все равно ему, с кем и за что воевать. Вот уж действительно, ни роду, ни племени, ни флага, ни родины...

Чего стоили хотя бы такие его слова:

– Товарищи солдаты и офицеры! Члены РОА! Сегодня, когда мы образовали самостоятельное, практически независимое от вермахта, формирование по борьбе с большевизмом, я хочу обратить ваше внимание на казаков. Как вам, наверняка, известно, казачьи подразделения тоже войдут в наш состав, но не на равных – вы должны помнить, что двадцать лет назад ваши отцы и деды, как и я, выиграли войну с ними. Мы их подчинили и поработили, и отныне они во всем нам подчиняются по велению исторической справедливости.

– А зачем тогда они вообще нам нужны? – крикнул кто-то из толпы.

– Хороший вопрос. Перед нами стоит задача свергнуть коммунизм, вернуться на родину и стать ее полноценными хозяевами. В этой борьбе все средства хороши. «Враг моего врага – мой друг». Поэтому пока нам попутчики требуются. Но пусть только не рассчитывают на то, что мы считаем их равноправными. И вы должны крепко за ними присматривать, не допуская ни намека на самостоятельность – иначе, как говорил еще Ленин, они быстро отстреляют верх и станут командовать уже над вами. Надо нам это? Нет! Не для того сражались мы и сражаемся сейчас вы! Помните об этом, товарищи!

Приказ Власова был понят всеми буквально. Отсюда последовало одно поражение за другим. Стоило войскам «Казачьего стана» и РОА начать даже самую пустяковую совместную операцию, как она на глазах проваливалась как ввиду того, что власовцы не давали казакам принять ни одного самостоятельного решения, так и ввиду того, что казаки, видя такое положение вещей, сразу обижались на вчерашних советских солдат, припоминали им и их отцам Гражданскую, начинали злиться и саботировать приказы командования, которое тоже происходило из РККА. При этом во время, свободное от боев, они почти не соприкасались, а потому сосуществовали мирно. Гитлер и его ставка смотрели на все происходящее с недоумением, вызванным, помимо всего прочего, еще и недостатком времени – на всех фронтах творился аврал, позиции приходилось сдавать одну за другой, а русские, вопреки первоначальным ожиданиям и уверениям, были не в состоянии с оружием в руках сражаться против своих земляков. Очень скоро Гитлер в этой задумке разочаровался.

Война меж тем подходила к концу. Исход ее был печален – только лишь казачьим войскам в силу малочисленности и позднего вступления в боевые действия уже не под силу было изменить что-либо как на советском фронте, так и в Европе. Печален он оказался и для генерала Краснова, которого Гитлер, по сути, подменил кажущимся ему более перспективным Власовым. А вот для последнего, казалось, только начинается звездный час. Каудильо Испании Франко предложил ему политическое убежище – отказался Власов. Правильно сделал, ведь в Москве его как героя встретит Сталин, чьи задания он так мастерски исполнял, находясь в тылу врага. Вот только просчитался – слово Сталина, как и слова тех большевиков, что в 1920-м обещали жизнь отставным врангелевцам, не стоило ломаного гроша. Власов был повешен в 1946 году как предатель. Посмертно реабилитирован не был.

1947 год, Москва

Атаман Краснов также не сдержал своего слова. Но, в отличие от Сталина и Власова, не по своей вине.

Сразу после войны привезли его в Москву. Англичане захватили его недалеко от Лиенце, где тогда, в самом конце войны, он командовал Казачьим станом, сформированным в Новочеркасске в 43-ем году. Старого и дряхлого старика его, вместе с товарищами, передали советской военной администрации, которая этапировала его в Бутырку, где он и дожидался суда.

Понимая, что ничего, кроме смертного приговора его не ждет, проводя свои последние дни в столичной тюрьме, генерал много думал – о судьбах Родины, казачества и нации, которой так верно служил, но которая не смогла в конце жизни по достоинству оценить его вклад в свою историю. В это самое время внук генерала, Николай, каким-то чудом получил разрешение на свидание с дедом. Сжалилось тюремное начальство, помогло – понимало, наверное, что больше родным встретиться не придется, а потому не ограничивало деда с внуком во времени общения. И в конце этого свидания Петр Николаевич скажет внуку слова, которые тот запомнит на всю жизнь и даже запишет в своих мемуарах:

– ...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и Сталины.

Умрут они, и настанут многие перемены... Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь.⁵

После этого свидание закончилось.

Генерала Русской императорской армии, потомственного казака Петра Николаевича Краснова повесили в Москве по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР 16 января 1947 года. Заключением Главной военной прокуратуры от 25 декабря 1997 года он признан не подлежащим реабилитации.

До самой смерти внук генерала, Николай Краснов, будет помнить эти его последние слова. И любой бы запомнил – они поневоле врезаются в ту часть человеческой памяти, которая отвечает за связь с землей, с корнями, с Отечеством.

«...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и Сталины. Умрут они, и настанут многие перемены... Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь».

⁵ Краснов-мл. Н.Н. «Незабываемое (1945—1956) (Сан-Франциско, 1959 г.)

«Четвертый рейх»

3 июня 1943 года, Москва, Большой Каменный мост

Юноша и девушка подошли к перилам моста около полуночи. Несмотря на недавнюю отмену комендантского часа, народу на улицах было все еще мало. Постовой сержант прогуливался вниз, по набережной Москва-реки, и заметил двоих. Они говорили громко, видимо, ругались, но разобрать ничего было нельзя. Сержант решил перекурить, после чего подойти к ребятам, но вдруг услышал сверху выстрел. Тело девушки покачнулось и рухнуло в воду. Он опрометью бросился на покатым ступеням, но не тут-то было – юноша на его глазах поднес пистолет к виску и выстрелил второй раз. Труп повис, застряв между каменными перилами, а пистолет с громким звуком плюхнулся в реку.

Через полчаса на место прибыла следственно-оперативная группа во главе со старшим следователем Генпрокуратуры Шейниным. Тело девушки достали из воды и опознали, как и ее спутника, по документам. Это была Нина, дочь видного советского дипломата Константина Уманского, 17 лет. Стрелявшим был сын наркома авиации СССР Володя Шахурин, ее одноклассник.

Не выспавшийся следователь недовольно осмотрел тела и велел отправить их в морг, после чего подозвал к перилам, где полчаса назад случилось несчастье, своего помощника Михаила Рагинского. Тот только что допросил единственного свидетеля, который толком ничего не видел и не слышал.

– Ну и что?

Владимир Шахурин и Нина Уманская

– Ничего. Разговора не слышал. Видел только, что Шахурин сначала застрелил ее, а потом застрелился сам.

– Что думаешь?

– Думаю, дело политическое, и потому копать будем долго. Посудите сами – было бы оно простое, Генпрокурор вас бы не назначил вести следствие.

– Меня назначили не поэтому. Когда назначили, никто еще не знал личности убитых. Просто я дежурный от прокуратуры, выстрелы в центре Москвы, вот и поручили неотложные мероприятия провести. Все-таки не муровца же посылать, это убийство, тут опыт нужен...

Тот развел руками.

– Ладно. Завтра начинай допрашивать всех их знакомых, особенно сверстников и друзей. С родственниками я поработаю сам.

Приехав домой, следователь сначала хотел было отоспаться, но сон уже приказал долго жить – короткие летние ночи вообще не способствовали отдыху Льва Романовича. Да тут еще

телефонный звонок – зампрокурора товарищ Руденко сам решил справиться об обстоятельствах выстрелов. Пришлось доложить все как есть и долго слушать нотации и наставления по поводу расследования столь масштабного преступления. На двадцатой минуте разговора, а точнее, лекции следователь понял, что про сон придется забыть на несколько дней вперед.

4 июня 1943 года, здание НКВД СССР на улице Житной

Утром следующего дня Лев Романович отправился на прием к своему старому приятелю, заместителю наркома внутренних дел Василию Васильевичу Чернышеву. Это был человек, примечательный своим конформизмом – в период большой чистки в НКВД 1937—1939 годов он, человек, одинаково приближенный и к Ягоде, и к Ежову, умудрился не только не попасть в колесо репрессий, лихо раскрученное Берия, но и занять должность заместителя наркома и тем самым фактически сосредоточить всю власть в наркомате в своих руках.⁶ Берия было некогда заниматься текущей работой – его больше интересовали поиски вредителей в верхах, а также работы по ядерному проекту, – и потому должность его заместителя в свете этих обстоятельств приобретала особое значение. Первое время Берия, конечно, не доверял оставленному от Ежова наследию в лице исполнительного и глуповатого Чернышева. Однако, Гоглидзе и Кобулов, его ближайшие соратники, знали Василия Васильевича как человека очень исполнительного. Два года Берия присматривался к нему и слушал положительные характеристики из уст своих товарищей, а потом грянула война. Тут уж было не до разборок – в обстановке всеобщей мобилизации именно исполнительный Чернышев мог кропотливо и усидчиво выполнять свалившийся объем работы. И, надо сказать, продемонстрировал он в этом деле такие успехи, что очень скоро ему стали поручать и более ответственную и тонкую работу. Так, он стал курировать работы по внедрению технических средств слежения. Немцы до войны уже освоили методы прослушки своих недругов, а вот в СССР она только-только начинала свое существование под чутким руководством Василия Васильевича. Начали, конечно, со своих. Сталину всегда было интересно, что говорит его окружение за его спиной. И, если до войны он довольствовался только доносами, то сейчас его возможности существенно расширились...

С Чернышевым Шейнин был знаком еще до войны – тогда замнаркома стал курировать работу секретной лаборатории ученого Лурия по разработке «детектора лжи», в которой активное участие принимал Лев Романович. У них остались теплые дружеские отношения, которые и позволили следователю явиться ко второму лицу в наркомате утром после убийства.

– Заходи, Лев Романович, – обрадовался Чернышев, увидев старого приятеля. – Как твои дела? Сто лет тебя не видел...

– Дела уголовные, Василий Васильевич, у нас ведь с тобой других нет.

– Это точно... Слышал, тебе поручили следствие по делу сына Шахурина? Да, ответственная и сложная работа тебе предстоит. В такую пору – когда в войне перелом – да так ударить по самому больному месту такого наркома, от которого зависит исход боевых действий! Ты уж их найди, негодяев, Лева...

– С радостью, но ты мне должен в этом помочь.

– Чем могу?

– Прослушкой.

Василий Васильевич поморщился: ему не хотелось с кем бы то ни было обсуждать работу, хоть и являющуюся уже секретом Полишинеля, но все же составляющую государственную тайну. Однако, и препятствовать следствию не входило в его планы. Недолго подумав, он

⁶ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934—1941: справочник / Под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1999. – 502 с. – 3000 экз. – ISBN 5-7870-0032-3.

решил, что лучше уж пуститься в откровения со старым проверенным Шейниным, чем с кем-то другим.

– О чем ты?

– Только не говори, что ты не слушаешь наркома авиации в такие-то дни...

– Слушаем, конечно, но особо ничего не слышим.

– Может, глаз замылился? Или ухо? Не хочешь дать мне послушать последнюю неделю в квартире наркома? Авось, услышу чего, что может быть и тебе, и мне полезно.

– Ну, изволь, только сам понимаешь – с тебя подписка о неразглашении...

– Как скажешь, – улыбнулся Шейнин.

После соблюдения небольшой бюрократической формальности Чернышев проводил следователя в подвал здания на Житной, где и базировалась лаборатория аудиозаписи. Бросив пару слов сотрудникам, он раскланялся и оставил Шейнина в глухой маленькой темной комнате, окруженной магнитными пленками в два столбика. Это были записи из квартиры наркома авиации за последнюю неделю. Следователь надел наушники, уселся возле магнитофона и стал слушать.

На это у него ушел день. Обычные бытовые разговоры, ничего не значащие слова, легкая критика Сталина за неправильное командование на фронтах, пьянка с маршалом Тимошенко. В общем, мало толку для выполнения той задачи, что была поставлена перед Львом Романовичем. За исключением одного.

Где-то за три дня до убийства к сыну Шахурина пришли товарищи по элитной 175 школе, где учились дети всей советской партийной верхушки. Среди них была и Уманская, с которой тот состоял в романтических отношениях. Они заперлись в кабинете наркома и долго о чем-то договорили, но речь была такая глухая и неразборчивая, что разобрать практически ничего не удалось. То ли прослушка была еще эмбриональной по своей сложности по причине отсутствия грамотных специалистов, то ли кто-то сознательно изолировал микрофон, но разобрать следователю удалось только два слова «теневое правительство». Это насторожило Шейнина, и он попросил вырезать соответствующий кусок ленты, а сам отправился домой, чтобы как следует обдумать услышанное. Хотя, по большому счету, обдумывать было нечего...

27 мая 1943 года, квартира наркома авиации А. И. Шахурина

В назначенный час все собрались в кабинете наркома Шахурина, которого, по счастью, не было дома. Домработницу услали за продуктами, а сами разместились за длинным столом, представлявшим рабочее место Алексея Ивановича на дому.

– Итак, заседание президиума «Четвертого рейха» предлагаю считать открытым, – зайдя в комнату, с порога начал сын наркома авиации Володя Шахурин. Проходя вдоль кабинета к отцовскому креслу за рабочим столом, он мимоходом накрыл плотной тряпкой стоящий у входной двери телефон.

– Это зачем? – спросил Джулиус Хаммер, племянник знаменитого американского промышленника и друга Ленина, Арманда Хаммера, давно уже проживающий в СССР по инициативе дяди, разделявшего социалистические воззрения здешних вождей.

– Прослушка. Закрытые лаборатории НКВД стали потихоньку осваивать старые немецкие технологии, которые в рейхе повсюду практиковали еще до войны. Пока размещают подслушивающие устройства микроскопического формата в мембранах телефонов – чтобы те работали по принципу микрофона, громкоговорителя. Пока можно просто блокировать переговорное устройство – думаю, что до последних новинок лабораторий рейха наши ослы еще не скоро додумаются...

– А ты знаешь и кого слушают? – робко спросил сын Реденса, свояка Сталина, с которым тот расправился еще перед войной.

– Во-первых, не ты, а вы, группенфюрер. Привыкайте к субординации и к порядку. А во-вторых, знаю. Почти всех из ближнего круга. Так что рекомендую впредь при проведении собраний проявлять известную степень осторожности.

Наконец он прошествовал во главу стола и окинул присутствующих взглядом. Все встали и вскинули руки в гитлеровском приветствии.

– Хайль Гитлер! – ответил Шахурин. – Прошу садиться. Итак, на повестке дня вопрос о последствиях Сталинградской битвы. Что имеете сказать по этому поводу, группенфюрер? – он снова посмотрел на Реденса. Тот встал и отчеканил:

– Всюду распространяется мнение о том, что сражение под Сталинградом имеет решающее значение и произвело перелом в ходе войны. Остались защищенными волжские и кавказские рубежи, получили иммунитет бакинские месторождения нефти. Турция отказалась от вторжения в СССР, Япония не начала планируемый Сибирский поход, Румыния, Италия, Венгрия стали искать возможности для выхода из войны и заключения сепаратного мира с Великобританией и США...⁷

– ...которые, несмотря на это, второй фронт открывать не спешат, а? – парировал Шахурин.

– Да, рейхсфюрер, но...

– А почему не спешат?

– Я полагаю, что выжидают время, – парень тарабанил как по писаному. – Германия еще достаточно сильна, и потому даже объединение с ее вчерашними союзниками не дает США и Великобритании гарантий победы. Кроме того, США вообще не находятся на нашем континенте и потому защищены от раскройки политической карты мира. Они будут думать до последнего – и не будут исключать союз с Гитлером как с капиталистом. Им важно получить территории Японии в Тихом океане. Кому Гитлер решит отдать предпочтение на финальном этапе войны – Японии или США – вот вопрос. От этого и зависит их решение.

– Все верно, группенфюрер. А что может РККА без второго фронта?

– Практически мало. Сталинград порядком измотал наши войска морально и физически, а вермахт готовит прорыв в районе Курска. Если там произойдет стратегическое наступление в тыл Советского Союза, то исход войны можно считать решенным, – изначально сомневавшийся Реденс говорил такими четкими и выверенными формулировками, что постепенно начал убеждать себя и всех присутствующих.

– Откуда такие суждения? – тихо спросил Серго Берия.

– К нам приходил на днях Молотов дядя Слава. Вот я за ним и записал. И мне его слова представляются очень даже правдивыми...

– Все так и есть. Вероятность прорыва в тыл – очень высокая. А это значит, что не сегодня – завтра войска вермахта будут у стен Кремля, – довольно говорил Шахурин. – Москва – это не Крым, не Украина и не Краснодар. Это сердце России. Партизанское движение будет тут еще очень сильно некоторое время. От настроений в Москве во многом зависит успех завоевания всей России. Потому построить тут всех в ряд и по команде направить в концлагерь не выйдет. Да и задача так не стоит. Не так ли, рейхсмаршал? – Шахурин перевел взгляд на сына Берия. Кто, как не он, мог знать о донесениях разведки из штаба вермахта? Тот согласно кивнул. Хозяин продолжил:

– А как стоит задача? Сформировать здесь правительство. Со Сталиным никто разговаривать не будет, он дискредитировал себя. А с кем будут? Не с улицы же людей набирать? Правильно, с нами. С детьми ближнего круга. И руки чистые, и авторитет родителей имеется, и знание жизни, и главное – молодость. Желание работать и менять жизнь народа, который

⁷ Курт Типельскирх. История второй мировой войны». Москва. АСТ 2001. с 365

уже 20 лет за нос водят. И мы к этому должны быть готовы. Мы должны представить ему наш нынешний состав в качестве «теневого правительства» СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.